

Мастер Альба

Автор:

Том Шервуд

Мастер Альба

Том Шервуд

Сокровища ждут! #3

Дальний родственник владельца замка «Груф» задумал стать хозяином поместья. Он нанимает разбойников, чтобы те убили нынешнего владельца и инсценировали смерть наследника - маленького Альбы. Однако наемники, решив шантажировать заказчика, похищают наследника и прячут его на острове на болотах...

«Мастер Альба» - третья книга о жизни и необыкновенных приключениях мастера Томаса Локка Лея, плотника и моряка из Бристоля.

Том Шервуд

«Мастер Альба»

Где-то в тумане таится зверь.

У зверолова недлинен сон.

Утро настанет и скрипнет дверь.

Снасти железной тревожен звон.

Не утаишь злого сердца стук!

Не сбережёт тебя тайный мрак!

У зверолова есть пара рук.

В сером тумане неслышен шаг.

Давишь в гортани утробный вой!

Плавишь в груди ледяную жуть!

Встанут загубленные тобой,

И зверолову укажут путь.

Пролог

Дикий хохот и крик взорвали утреннюю тишину. Вздрыгнул дом, и вздрогнули сонные люди. Бэнсон, вообще-то, лишь рядом со мной вел себя достаточно непринуждённо. В присутствии же других людей – не из семьи – он оставался прежним – немым, застенчивым Носорогом. Вот и сейчас, только дождавшись, когда за пьяненьким почтальоном, прячущим монету в отворот рукава, закроется дверь, он закричал и запрыгал. Он плясал на входной, с новым тёсаным полом площадке, ограждённой слева и справа дверями в помещения первого этажа, а с двух других сторон – входной дверью и лестницей наверх; в той самой прихожей, где когда-то легли убитые Сулейманом двое матросов, а сам Бэнсон получил пулю в лицо. Он подбрасывал к потолку белый, с пятаком сургуча, бумажный свиток, ловил его, и смеялся, и подвывал.

Вздрогнули сонные люди. Опустила с дубового края кровати ноги в розовой длинной рубаше Алис и первым делом тревожно взглянула на жёлтую плетёную люльку с младенцем: спит? Спит.

Из каморки под лестницей, босиком, в подштанниках, с мушкетом в руке выбежал Носатый, – заспанный, с поднятыми торчком рыжими спутанными волосами.

Генри, в комнате с подоконником, взглянув в окно, затушил огарок бесполезной свечи, отодвинул книгу и, нацепливая на нос новенькие, дорогие, в железной оправе, очки, побежал сквозь выставочный мебельный салон к выходу.

В спальне второго этажа, дальней, за ванной комнатой, с шёлковым свистом вонзил руки в рукава халата Луис, бросился, завязывая пояс, к дверям, чертыхнулся, что-то забыв, обернулся, и Луиза, изогнувшись, как кошка, привстав на постели, швырнула ему через всю комнату кожаный пояс с кортиком и пистолем.

В подвале, в жиличке при кухне, толстая старенькая миссис Бигль безуспешно пыталась растолкать храпящего почтенного джентльмена с белыми бакенбардами. В светлице третьего этажа выбежала на середину комнаты и замерла, прижав руку к груди, Эвелин.

Нераспечатанное письмо лежало теперь в центре стола, в обеденной зале. В центре громадного, длинного, с заточенными в овалы торцами стола, за который слетелась взволнованная семья. Ни Бэнсон, ни Эвелин не решались протянуть руку первыми. Наконец, судорожно вздохнув, Эвелин взяла свиток – и не раскрыла. Нетвёрдой рукой она протянула его Бэнсону, вымученно улыбнулась. Он принял свиток, откусил витой цветистый шнурок и отбросил на другую сторону стола лепёшку сургуча – печать наместника султана в Багдаде. Наподобие лёгкой пружины, свитый, развернулся с шорохом лист.

– Сэру Бэнсону, моему доверенному, в Бристоль. Немедленно отправьте Эдда в порт Банжул... Эдда в порт Банжул...

Бэнсон растерянно поднял глаза.

– Бэн, – тихо проговорила Эвелин. – На обороте, огамическое письмо.

Он перевернул лист, всмотрелся в штрихи:

– Любимые мои, здравствуйте!..

Эвелин устремила мучительный взгляд в пространство перед собой, куда-то в одной ей видимую даль. С лёгкими, исчезающими тенями под нижним абрисом нежных, огромных, бархатных глаз. Горячими, сухими губами она вышёптывала одно лишь короткое слово:

– Жив... Жив... Жив...

Пролог, постскриптум

Бэнсон, стиснув зубы, не разговаривая ни с кем, метался по городу. Луис приготовил ему все дорожные бумаги. Давид советовал дожидаться, когда придёт с очередным грузом его “Форт”, а уж тогда отправляться в Турцию, – но куда уж. Сам. На попутных кораблях. Немедленно. Не нужен “Форт”, “Дукат” стоит в Басре.

Алис, роняя на пальцы тёплые слёзы, вшивала в тайники его куртки золотые монеты. Крохотный Том, тараща в своей люльке тёмные Бэнсоновы глазёнки, не мешал ей: не плакал.

– Я сделал новое оружие, – говорил заметно постаревший оружейник угрюмо молчащему Бэнсону. – Вот смотри. Тонкий болт, с трёхлепестковым пером. Если положить во взведённый арбалет, то болт спереди будет немного высовываться. Я сделал несколько штук подлиннее. Навинчиваем на него этот вот железный цилиндр. В нём – чистый ртутус. На острие – капсюль. Ты наводишь арбалет, скажем, на каменную стену, щёлк, и-и-и – бум! Стены нет. Только вот не испытан.

Бэнсон сложил оснастку в футляр, посопев, отсчитал деньги, потоптался у двери и вышел. Молча.

– Не попрощался, – глядя ему в спину, задумчиво сказал старик. – Это хорошо. Значит, скоро вернётся.

Скоро вернётся...

Почти не попрощался Бэнсон и с домашними. Дорога длинна, а времени нет. Томас, уезжая, сказал ему: “Я должен знать, что, если попаду в капкан, – ты меня вытащишь”. И вот – миг настал. Не до прощаний. Долгие проводы – лишние слёзы.

Обнял всех. Погладил толстым пальцем Томову щёчку. Вскинул на плечи футляр с арбалетом, котомку, поправил под курткой нож и пистоль. Досадно, что не

заказал новых короткоствольных уродцев, как-то вот не подумал. А ведь время-то было! Теперь уже поздно. Обнял всех, открыл дверь и вышел. Один.

Но направился он не в порт. Нельзя отправляться на трудное дело, не опробовав снаряжение! За два пенни он сел на повозку, едущую из города, доехал до относительно густого леса, спрыгнул и скрылся между деревьями. До отхода корабля, капитан которого ждал его по просьбе Давида, оставался ещё полный день. Бэнсон поправил на плече футляр с арбалетом и углубился в лес.

Уйти нужно было подальше от дороги, ведь оружейник сказал: “Бум!!”

Бэнсон не был ни охотником, ни золотоискателем. Следовательно, он не знал леса. Он не знал, как нужно выходить на лесную поляну. Здесь мало быть осторожным. Здесь нужно откапывать в глубинах сознания и вытаскивать для нелёгкой работы чутьё. Бэнсон и подумать не мог, что стук его башмаков о нередкие лесные камни давно уже громовым грохотом разносится по округе, и на другом краю поляны, за кромкою леса, его уже ждут. И на открытое место он вышел неопасливо, безмятежно. И это понятно, ведь лес – он не город. Ведь лес – пуст.

Не всегда. Его увидели, а увидев, тут же вывернули наизнанку. Опытный взгляд за секунду определит – что за человек перед ним. Куда идёт, по какому делу, бывалый или нет, охотник или бродяга, разбойник или солдат, слаб или опасен. Те, что напряжённо следили за Бэнсоном, могли бы, конечно, дождаться, когда он пройдёт до противоположного края поляны, и тут, метнув нож из-за дерева, надёжно его положить, – этот день им нужно было прожить без лишних глаз. Но нет, ждать не стали. Сегодня их гнали вперёд не азарт и не дело. Их гнал тщательно спрятанный в закоулках сердец острый нетающий страх.

Бэнсон остановился, взялся за пистолет. Нет, ничего опасного. Люди идут не таясь. Вот женщина несёт ребёнка. Вот её муж. И старик – отец или дед.

Встретились на середине поляны. Молодая женщина, окатив Бэнсона волной синего взгляда, улыбнулась. Доверчиво, беззащитно. Опустила на землю мальчика. В глубоком дыхании мягко качалась высокая грудь. Её спутник, почти одного роста с Бэнсоном, также с улыбкой шагнул, открыто, по-доброму протянул для пожатия руку. И пожатие было правильным: крепким, неторопливым, спокойным. Опустили на землю ношу: приличие требовало

немедленно поприветствовать друг друга и без дальнейшего, впрочем, любопытства, проявить интерес как к личности, так и к цели путешествия – не с целью допроса, а с целью продемонстрировать дружелюбие.

Девушка достала краюху хлеба, разъяла её по разрезу – блеснула насыпанная внутри соль – и что-то шепнула малышу. Тот взял хлеб в ручонку, подняв ясное личико, протянул его путнику. Бэнсон вынужден был присесть, потянуться за хлебом: отказываться нельзя. А “отец” ребёнка чуть зашёл за спину к Бэнсону – шагом как будто бесцельным, случайным. Бесшумно снял с пояса металлический пест, – короткий боевой шестопёр. Девушка вдруг вскрикнула, глядя вниз, и, наклонившись, схватила свои юбки, и резко их вздёрнула.

– Ай, мышь!! – закричала она.

Ноги открылись. Прав патер Люпус, мужчины этого мира одинаковы до смешного. Всегда в эту секунду мужчина поворачивал голову в сторону вскрикнувшей женщины и невольно смотрел, торопливо питая взгляд запретным видом невзначай обнажённого тела. Но Бэнсон был джентльмен не по названию, а по сути. Он немедленно отвернулся, хотя никто никогда не учил его тому, что такое обязательный в подобной ситуации, пристойный и уважительный стыд.

Отвернулся, повёл головой, и потому удар шестопёра лёг не прямо в затылок, прошибая черепную кость. Удар упал на одну из макушек шишковатой, массивной Бэнсоновой головы, и упал он вдогонку и вскользь. Глухой стук, падение тела, кровь – всё это было, но сам Филипп понял, что кость цела, что удар не смертельный. Он с незнакомым для себя ужасом осознал, что “убитый” им – жив. Повторить удар? О, нет! Это значило бы – показать своим спутникам, что рука его перестала быть безупречно надёжной. Нет, пусть будет обычный удар. Парень мёртв. Кто его станет смотреть? Время не просто дорого. Оно жизненно дорого. Призрак того, кто мчится по их следу, велит продолжать торопливое бегство.

Прихватив футляр с арбалетом, люгрские оборотни исчезли с поляны.

– До чего же удачно! – хрипел на бегу патер Люпус. – Теперь, когда он дойдёт до поляны, минут, не меньше, чем на десять, задержится. Будет смотреть на лежащего, опасаясь подвоха, подкрадываться... Так что минут десять выиграли. Это бесспорно. И – тут где-то дорога. Лишь бы только в порт успеть раньше

него...

Бэнсон приоткрыл глаза. Перед ним – в траве – ломоть хлеба. На полоске сероватой соли алыми каплями – его кровь. Попробовал встать – и не смог. Тело как будто исчезло. Не смог даже пошевелиться, когда почувствовал, что чьи-то руки поворачивают его голову, подводя лицо вверх. Сквозь солнечный блик Бэнсон увидел, как склонился над ним кто-то в капюшоне, с неясным лицом. Человек прижал к ране какую-то ткань и по-доброму, и как-то даже обрадованно, проговорил:

– Здравствуй, размахивающий сундучком!

Глава 1

Хромой дровосек

Непросто рассказать о том, чему свидетелем не был, что передано устами других, непосредственных очевидцев. Но во много раз сложнее поведать о том, чему свидетелей не было вообще. Во всяком случае – таких, которые могли бы рассказать тебе о древних временах и событиях. И когда всё же описываешь истории из жизни людей, которых не только не видел, но о которых не слышал и не читал, – как убедить других и себя, что описываемое тобой – действительно происходило на этой земле? Здесь приходится прикоснуться к феномену «далёкого зрения», которое вдруг приносит картины событий, не имеющих доказательств и подтверждений, но истинность которых для тебя – вне сомнений.

Португалец и абигаль

Маленький городок на берегу речки, впадающей в Рейн. Алемания, 17 век, ближе к последней четверти.

Ганс от рождения был хромым. С самого детства его так и звали: Ганс Хромоножка. Он был монастырский крестьянин, поэтому своей земли не имел, кормился при кухне в монастыре. Это было и хорошо: с него не брали налог – ни с земли, ни со скота, ни с урожая. А в монастыре он был дровосеком. Невысокий, сдержанный на слова, с жилистыми крупными руками. Он был хороший дровосек, справный. На шесть дней он скрывался в монастырском лесу, – каждое утро к нему отправлялась подвода, забирающая дрова для прожорливых кухонных печей, – а на седьмой день, к воскресной службе, он возвращался назад. И в этот день всегда, согнувшись, тащил на спине связку хвороста – громадную, неподъёмную: это были его дрова. От кухни он получал лишь пропитание, иного содержания у него не было. Поэтому кладовой разрешал ему приносить раз в неделю вязанку для себя – какую смогут унести его «полторы ноги». Эту вязанку он продавал за грошик кому-нибудь в селе: одежду, обувь и выпивку он должен был обеспечивать себе сам.

Надёжный дровосек, никогда не болеющий, из года в год, без праздников, отдыха, отлучки, он кормил старые монастырские печи. Зимой – больше, летом – меньше. Надёжный – и очень умелый: не было случая, чтобы дрова в подводе не были подобраны со знанием дела – сухая, смолистая ель (на растопку), берёзовые сырые жаркие кругляши, ольха (для тонких, нежных блюд и для соусов), а раз в месяц – несколько охапок осины, чтобы её злой и жёсткий огонь выжег скопившуюся сажу в трубах и дымоходах. И в снег, и в дождь дрова прибывали вполне сухими, – он складывал и хранил их под громадным, выстроенным на своей поляне, навесом – из длинных кленовых жердей, накрытых толстой подушкой из елового лапника и глины. Такую крышу не проточит ни один дождь, нужно только поправлять её время от времени.

Бывали дни, когда подвода прибывала и днём. Ганс безропотно нагружал её запасёнными сверх урока дровами и, дождавшись, когда шелест хорошо смазанных колёс затихнет вдали, уходил под навес и сидел там, вытянув нездоровую ногу. Опирался, склонившись, на ноющее колено положенными друг на дружку ладонями, и сидел неподвижно, и плакал. Он знал, что эти его дрова – не для печей. Их привезут в село, на площадь, и будут жечь кого-то из колдунов или ведьм, – по определению трибунала великой инквизиции, – а на его взгляд – так просто живых людей. Площадь наполнится криками дикой боли, вылетающими из сине-красных, изломанных пытками тел, а потом густым чадом горелого мяса. Народ соберётся вокруг, все будут с жадным страхом смотреть, многие веселиться. А он почему-то мог только плакать. И обязательно скрытно, чтобы не угодить на тот же костёр за сострадание еретикам.

Свою вязанку он приносил в монастырь – показать кладовому. Тот, в засаленном до невозможности кожаном фартуке, громахая свисающими с пояса до колен коваными ключами, подходил, всматривался и кивал головой: свежеспиленных дров нет, только сухой, со склонов оврага хворост. “Монастырь разрешает забрать вязанку себе”. После этого кивка Ганс втягивал дрова обратно на плечи и брёл в село, за своим грошиком.

В сорок лет Ганс женился. Супругой его стала женщина, похоронившая трёх мужей, поэтому союзу их предрекали быть несчастливым. Не принималось в расчёт, что кончины мужей её не были с ней связаны. Одного сокрушили копытами лошади под бешеными седоками, – владелец местного замка с дикой свитой гостей и вассалов[1 - Вассал – друг и помощник рыцаря, тоже дворянин, только менее богатый.] гнал через его поле охоту. Второго убили на ярмарке голодные оборванцы, которые тут же, стараясь опередить подбегающих стражников, рвали из распоротой котомки хлеб с сыром и заталкивали горстями в мелькающие рты. Третий, опившись браги, с топором гонялся за кем-то невидимым, влез на крышу да и свалился оттуда, пробив лезвием топора важную вену. Трижды вдова. Несчастливая баба, порченная. Только лишь Хромоножке и впору.

Неудивительно, что радости было мало. В два года раз рожала она по ребёнку, и его, как будто давно поджидая, забирала земля. Хотя и достался Гансу вместе с ней не гнилой ещё домишко и небольшой огород, но радости не было. Если не считать одного никому не известного случая.

Рано-ранешним утром, ещё по темноте приходил Ганс в воскресенье домой. Вязанка укладывалась у дверей – ожидать, когда он понесёт её на кивок спящему пока ещё кладовому. Хромоножка же подходил к жене, согнувшейся возле дымного очага, и клал на её спину, прикрытую грубой и старой, в больших, с нитяными хвостами, дырах, ночной рубахой, свою горячую, твёрдую, полускрюченную ладонь. Жена не то чтобы вздрагивала, но как бы затаивалась, движения её замедлялись, и он, ощущая под пальцами нарочито неторопкое шевеление её лопаток, тихонечко млел, думая, что это – её безмолвный ответ на его бессловесную нежность. На самом же деле она цепенела от страха в ожидании удара. Она прочно привыкла к тому, что мужчина, называемый мужем, должен её бить. Когда Ганс, постояв, отходил, – её начинал мучить вопрос – отчего не ударил? Не нашёл – за что? Но ведь прежние мужья били, в общем-то, без всякой вины.

В этот раз Ганс задержался в лесу: выволакивали подводу. Молодая лошадь, запряжённая в первый раз, сдёрнула её в вязкую, илистую канаву. Домой пришёл в этот день поздно, когда солнце уже поднялось. Открыл дверь – и замер. Она мылась, стоя в деревянном корыте. Испуганно отвернулась, замерла, прижав к груди хвостатое липовое мочало. С боков её, со складок утруженного тела, стекала вода, смешанная с золой: мыла у них тогда не было. И он увидел белые-белые пятнышки и полосы на её серовато-смуглой коже и, холодея до хребтовой кости, понял, что это – следы побоев. Ганс, поднеся руку к её спине, – медленно, с небывалым трудом, словно к раскалённой плите, – положил ладонь между лопаток и так же медленно прильнул к её плечу бородой. Чуть распрямился и ещё раз припал, и ещё. Свет небесный сошёл на неё спустя долгую, злую минуту: она поняла, что эти прикосновения – есть поцелуи. Ей вдруг разом открылось, чем были эти прикосновения его руки, и тягостный страх, накопленный за долгие годы, прорвался вдруг в ней, и не болью и ужасом, а сгустком нежной и трепетной силы. Жгучей судорогой. Маленьким Солнцем.

После этого дня, в природой отмеренный срок, она родила девочку. Их светлоголовую, тихую и улыбчивую Абигаль.

Священник, опухший от выпитого накануне, страдающий, но привычно надменный, полистав то ли греческие, то ли латинские книги, так и нарёк: Абигаль.

Всё-таки хорошо, что Ганс был при монастыре. Два года подряд свирепствовал голод. Сначала война – он плохо запомнил, кто и с кем воевал – спалила созревающие посевы. Потом – засуха. Люди варили кору, ели крыс и мышей. Но кладовые монастыря всегда были наполнены впрок. Трёхлетняя Абигаль, которую пропускали на кухню, пробиралась оттуда в конюшню. Она пряталась в сене, а когда кладовой и служки, насыпавшие в ясли овёс, уходили, она светлым котёнком ползала между лошадиных копыт и, сковыривая неумелыми пальчиками с земли, отправляла в ротишко упавшие зёрна.

Ганс приносил из леса ягоды, жёлуди и грибы – но раз в неделю. А до этого им как-то нужно было прожить. А жене приходилось ещё и ходить в монастырь на подённую. (Монахи и умереть так просто не давали: не смей умирать, пока есть работа!) Вечером она спешила домой, а там уже спала, вытянувшись на чёрной от времени лавке, с двумя горсточками зёрен в животике, Абигаль. Мать смотрела на неё больными глазами и, отходя, искала в себе силы порадоваться:

девочка тёплая, дышит легко. Шатаясь от голода и усталости, она разводила огонь, варила похлёбку – из грибов или кореньев осота и, прижав сонную дочку к груди, поила её тёплым, и укладывала теперь уже на весь длинный ночной сон.

Они бы не выжили, если бы Ганс не сделал заранее великое дело. Два года подряд он не пил ни вина и ни пива, не справлял себе новой одежды и обуви, откладывал свои гроши и, поехав однажды на ярмарку, купил там пилу. В кузнечном ряду, среди лат и клинков, на самый простой из которых ему пришлось бы откладывать лет эдак двести, он отыскивал пилы и, хотя попадались хорошие, – не покупал. Искал – зная, что. И нашёл. Полотно надёжное, острое, зубья не сточены. А вот деревянная рама попорчена жучками. Цена, соответственно, ниже на треть. Пилу он купил (и тут же выбросил раму: внесёшь жучков в дом – источат всё деревянное), а на оставшиеся деньги купил жене тонкого, белого, барского полотна. Как раз на новую ночную рубашку.

О, хорошая пила – дело большое. Топором дерево удобно валить, а вот разделявать на короткие плети – это тратить лишние силы и время. Пилою – втрое быстрее.

Он сам смастерил новую раму и в первый же раз выполнил дневной урок ровно к обеду. Полдня свободных! Всё это время он обдирал ивовое лыко и притапливал его в недалёком болотце – чтобы размокло. Теперь будет не только грошик за хворост. Теперь будет ещё пара монет за циновки и туеса!

И вот, когда пришёл голод, он свои секретные полдня тратил на поиск всего съестного, что мог дать ему Лес. И грибы, и ягоды, и корешки осота. И смертушку в семью не пустил.

Абигаль шло восьмое лето, когда в село привезли отбитого у речных разбойников мальчишку. Чужестранца. Лет десяти. Еле живого. Вспомнив о взятых землёй сыновьях, Ганс упросил настоятеля купить мальчишку для монастыря. Он сам, дроводел, – не вечен. А тут – лет пять – и готовый работник. Сама судьба посылает подарок: давно пора бы выбрать кого-то, кому он мог бы передать дровяное своё ремесло.

Мальчишку купили. Задёшево. Ведь полуживой. Учёные монахи выспросили, откуда его завезли, несчастливое. По имени родины стали и звать: “Португалец”.

Маленький евнух

Нет мундштука. Нет! Словно и не бывало. Кальян – вот он, в ящике, стоящем в углу, под наброшенным сверху ковром, вернее – стоявшем. Ох, и погуляла в Ашотиковой комнатке чья-то глумливая, злая рука. Всё перевёрнуто – от угла до угла, разбросаны вещи, и стянут на сторону ковёр, и сундук опрокинут, и высовывается из него ограбленный, усечённый кальян. Всё на месте, даже драгоценные безделушки, хранимые в шкафчике, – те, которые хочется видеть перед собой каждый день, а не томить во мраке собственной тайной сокровищницы. Мундштука – нет. Да пусть бы неведомый вор забрал всё, что здесь имеется, ведь есть тут вещи поценнее кальяна. Неведомый? Да ведь именнобагдадский вор поклялся украсть этот предмет... Но в этом случае – он в самом деле должен проходить сквозь стены!

Ашотик поднял глаза. Решётка в окне. Человеку возможно лишь руку просунуть. Дверь дубовая, вечная, проклёпанная железными полосами. Два замка. Без ключей не откроешь. Замки Ашотик подбирал заморские, для себя. Ну а на пути к дверце – четыре дворцовые стены, четыре полосы стражи, десяток янычар – до гарема, а в гареме – Али. Нет, не пройти. Невозможно. Но кто-то, очевидно же, был в самой комнате! Ходил, двигал вещи...

В кальяне – Ашотикова жизнь. Узнает Хумим-паша, что в гареме, – о, Аллах! – в гареме, где его жёны, был кто-то чужой – тогда лёгкой смерти не жди. Вот тогда, кизляр, напоёшься. Хотя это – пугалки для детей, это – вряд ли. Смерть будет лёгкой. Вот он, флакон с бесценным, проверенным ядом, стоит на полке, стекляшкой пробки посверкивает. Этот путь у нас есть, это ладно. Сядет-ка Ашотик, да подумает – нет ли какого выхода получше.

Маленький, рыжий, с обиженным детским лицом человечек пнул золочёной туфлей ковёр, сел на опрокинутый ящик, поместил локти на колени, ладошками закрыл уши и стал думать.

Что смертный, маленький человек может в такой ситуации сделать? Имеются два решения: или разыскать проклятого вора и выкупить унесённый мундштук (деньги есть), или... Или изготовить новый! Нет, невозможно... Но, собственно, почему? Золото есть. Знакомый ювелир – тоже есть. Нет двух вещей: шести,

величиной с ноготь мизинца, сапфиров, и – о, проклятье! – самого мундштука, с которого можно было бы снять точный размер... Стоп! Есть! Не сам мундштук, конечно, а слепок! Ашотик даже забормотал торопливо, успокаивая понёсшееся вскачь сердце: “Тихо-тихо-тихо...” Он торопливо стал вспоминать события недельной примерно давности. Хумим-паша выехал на охоту. Да. Ашотика взял с собой. На тот случай, если захочется послушать сладкое пение после сытного, под сенью деревьев, обеда. Да. Подстрелили на берегу ручья пришедшую на водопой антилопу, да тут же на костре и изжарили. Паша и визири ели горячее мясо, запивали рубиновым лёгким вином, и... и потом Ашотик пел свои песни, а паша, лёжа, опершись на локоть, курил. Он курил свой кальян, и на лице его было сладкое, неземное блаженство. С этим счастливым лицом он и уснул. Визири, сняв туфли, принялись тихо сновать по тенистой поляне, отгоняя маленьких голосистых птичек, которые могли почивающего пашу разбудить. А замолчавший на время Ашотик смотрел на спящего господина с лёгкой досадой и лёгким презрением: у того из вялой руки выпал мундштук ещё курящегося кальяна – и, откатившись, лёг прямо в мокрую прибрежную глину. И лежал там так, пока Хумим спал – два часа или больше. Ашотик делал вид, что не замечает, как валяется в глине драгоценный предмет, – иначе ему пришлось бы самому поднимать и оттирать мундштук, а с какой стати он должен пачкать свои белые холёные пальцы? Паша же, ворочаясь, откинул руку и ещё глубже вдавил мундштук в вязкое жёлтое месиво. Потом проснувшийся господин обронил короткое слово – и вмиг торопливая свита подхватила с земли изысканное походное снаряжение – и, конечно, кальян – подвели Хумиму коня и умчались. Ашотик готов был поклясться, что, подскакивая на невысоком своём жеребце, он оглянулся на миг и заметил, что от мундштука, который лежал, вдавившись в глину, остался глубокий отчётливый отпечаток. Это – последний мостик на дороге к спасению. Пусть призрачный, шаткий, но, если он сохранился, – флакон с ядом можно на время вернуть на его место на полке...

Вскочил Ашотик и побежал в недра гарема, на ходу торопливо продумывая то неотложное, что следовало предпринять. Он пронёсся вдоль комнат Хумимовых жён, и потом сквозь длинный зал, где ютились совместно наложницы и жёны рангом пониже, и здесь, в уютной нише дальней стены – нише с оконцем и вентиляцией, предметом жгучей зависти и вожделения обитательниц гарема – нашёл то, чему в планах своих отводил чрезвычайно важную роль: юную, чистую, озорную змейку – Бигюль. Не тратя времени на объяснения, он схватил изумлённо вскинувшую на него глаза девочку за узкую ладонь и, потянув (Бигюль сидела над каким-то цветистым шёлковым рукоделием), поднял на ноги. И так, не выпуская её руки, протащил торопливо обратно. Здесь, когда они пересекали гаремный удушливый зал, кто-то бросил в спину девочке злое,

язвительное слово. Как ни спешил Ашотик, а всё-таки резко остановился, нашёл острым взглядом дерзкую наложницу и, вытянув к ней толстый палец, зловеще и тихо сказал:

– Услышу сегодня ещё одно твоё слово – вечером из тебя суп сварю.

И скрылся за балдахином, отделяющим зал от анфилады привилегированных[2 - Привилегия – преимущественное право в чём-либо одного или нескольких избранных людей перед остальными.] комнат, и увлёл за собой гибкую, тоненькую подружку. Он не сомневался в том, что происшествие это повергло в ужас всех находившихся в зале. Он знал, что несдержанная наложница ночью будет страшно наказана: ей растянут руки и ноги, на лицо набросят подушку и станут медленно душить, строго следя, чтобы не перестараться. Таким образом, на ней не останется следов от побоев, а страх перед повторением наказания поселится в ней если не навсегда, то очень, очень надолго. И уж конечно, мучить её станут не оттого, что так любят Бигюль и Ашотика, нет. А за то, что разъярённый Кизляр-агас мог наказать – и довольно жестоко – всех остальных, невиновных.

Мало заботило Ашотика то, что будет происходить в гаремных покоях после того, как одной фразой он навёл там жестокий порядок. Другим был озабочен. Своим, кровным. Втащил Бигюль в разгромленные покои, усадил на край перевернутого сундука и спросил:

– Если бы мне грозила смерть и для спасения потребовалось бы, чтобы ты обрезала свои волосы, ты бы сделала это?

Бигюль, на всякий случай оглянувшись (не подсмострит ли кто), подскочила, метнулась к Ашотику, обхватила тонкими руками за шею и стала дурашливо танцевать, вовлекая покрасневшего толстяка в водоворот торопливых шажков, покачиваний, поворотов. Он, семеня за хохочущей девочкой, изловчился, обхватил её и приподнял над полом. Притащил к сундуку и с силой усадил. Сложил ладони перед собой и, задыхаясь, проговорил:

– Это очень серьёзно.

– Серьёзно? – переспросила, медленно стирая со смуглого лица озорную улыбку, Бигюль.

– Очень.

И девочка тотчас, мотнув головой, перебросила длинные, почти что до пят, тяжёлые, чёрные косы со спины на грудь, вложила их, едва втиснув, в ладонь, а свободную руку протянула к кизляру:

– Где ножницы?

Он достал ножницы – тёмные, с блестящей наточенной кромкой. Нет, он не шутил. Разведя в стороны хищно клацнувшие железные лезвия, Ашотик взял девочку за подбородок и, щёлкая ножницами, состриг её волосы. Очень коротко и очень неровно. Затем нахватал торопливо со стен извести, копоты с пылью и всё это втёр в густой чёрный ёжик. Потом быстро сказал:

– Тебе нужно переодеться, – и подал стопку ветхой, маленького размера, одежды.

Через минуту перед ним, с милым лицом и озорным блеском в глазах, в коротких штанах и рваной рубахе, стоял мальчишка.

– Ты – Хасан, – проговорил Ашотик, ткнув пальцем в хрупкую грудь, прикрытую не цветным шёлковым платьем, а пыльной уличной тканью.

– Я – Хасан, – с готовностью согласился подросток.

– Плюнь на пол! – приказал мальчишке кизляр.

Тот постоял, двинул губами. Ашотик смотрел. И тогда тот действительно плюнул. Неуверенно и неумело, только губы обрызгал.

– Вот как надо! – сказал строго Ашотик и показал.

Мальчишка несколько раз повторил. Наконец, вышло неплохо.

– Ты должен вести себя, как уличный мальчик, мой милый Хасан, – положив ладони на хрупкие плечи, глядя прямо и пристально в большие, чёрные и

внимательные глаза, стал тихо рассказывать толстый кизляр. – Ты должен бегать босиком по Багдаду, вертеться на рынке, как бы желая что-то стащить, но никогда не воруи. Смотри, как ведут себя остальные мальчишки, и подражай им. Ты должен уметь сидеть на корточках, бегать, перелезать через стены. А теперь слушай главное. В благословенном городе, тысячелетнем Багдаде тебе надо суметь разыскать того, кто зовётся между людьми Багдадским вором. Разыскать и от моего имени предложить выкупить похищенный у меня мундштук от кальяна. Золотой, с шестью синими самоцветами. На шее у тебя, под рубахой, будет висеть кольцо – печать Хумима-паши, и, если попадёшь к стражникам или янычарам, должен сообщить, что ты – личный поставщик кизляр-агасу всяческих редкостей, которые привозят и продают в порту иноземные моряки. Будут к твоей рубахе пришиты два кошелька с монетами, и в поясе будут монеты – всё мелкие, чтобы лишней зависти не вызывать. Страже у ворот о тебе будет сказано, и ты можешь в любое время – и днём, и ночью, как войти, так и выйти. Или обратиться за помощью. В одном дворике во дворце есть заброшенное караульное помещение. Я расскажу, как туда пробраться. Там будет запас еды и бочонок с водой. А в одной из стен дворика, на высоте в три твоих роста, есть тайный ход. В закрывающей его плите просверлено неприметное отверстие. Сквозь него я спущу тонкий шёлковый шнур, и ты, дёрнув три раза, сможешь меня вызвать.

Он минуту помолчал и закончил:

– Вот так, бесценный мой друг. На всё это у нас – только два дня. Самое большое – три. Если я не верну мундштук от кальяна через два – или, если не хватит проклятый Хумим – через три дня, то буду подвергнут мучительной смерти. И, чтобы её избежать, я приму яд. Теперь веришь, что всё это очень серьёзно? И кроме тебя мне довериться некому. Моя милая, милая девочка.

Уже через полчаса, сделав необходимые распоряжения, Ашотик вернулся в гарем. Он не вошёл, а ворвался, пронзительно провопив короткое страшное слово:

– Али-и-и!!

Немедленно выбежал его главный гаремный слуга, евнух Али, очень высокий и невероятно худой, со свисающими до колен жилистыми руками.

– Али! Бери лук и стрелы, бери свой ятаган – и быстро во двор! Кони ждут!

И через минуту из дворика, прилегающего к гарему, бешеным галопом вынеслись два коня, – громадные, вороные. На одном сидел, низко пригнувшись к гривастой шее, долговязый Ашотиков стражник-палач, силой и нечеловеческой безжалостностью превосходящий всех Хумимовых янычар. На втором – нелепо подпрыгивающий, с ножками, вдетыми в короткие стремяна, вцепившийся в гриву коня маленький, в роскошной одежде толстяк. Они вылетели за главные дворцовые ворота, предусмотрительно отворённые привратными янычарами и, оказавшись за городом, взяли уверенное направление в сторону леса, в котором неделю назад охотился Хумим-паша, подстреливший тогда маленькую антилопу. Ашотик и по лесу скакал – словно по открытому полю, подгоняя могучего жеребца, не обращая внимания на больно секущие ветки. Домчались до знакомой поляны, и здесь раскрасневшийся, разгорячённый кизляр спрыгнул на землю, перебросил поводья своему длиннорукому спутнику и приказал:

– Дальше – ни шагу!

Приказал и, семена и подскакивая, побежал к тому месту возле ручья, где отдыхал в тот памятный день уставший паша. “Ах, не размыли бы глину дожди! Не затоптали бы антилопы! Не иссушил и не выкрошил бы крошки оттиска жаркий ветер...”

Нет! Ашотик упал на колени. В подсохшей уже, твёрдой глине виднелось отчётливое углубление от впечатавшегося по всей длине мундштука. Кизляр торопливо сорвал с себя роскошный шёлковый доломан и, бросив его на землю, накрыл драгоценное место. Потом прибежал назад, на край поляны. Вытащил из хурджуна[3 - Хурджун – восточное название дорожной сумы.] пару плотных мешочков, калобасу[4 - Калобаса – сосуд из высушенной тыквы.] и, досадливо отпихнув длинную морду потянувшегося к нему коня, поспешил обратно. Присел возле ручья, набрал в калобасу воды и горсть за горстью стал сыпать в неё из двух мешочков порошки разного цвета: мел и клей. Замесив желтовато-белую кашу до состояния жидкого теста, поднял доломан, тщательно выдул из ямки оттиска пыль и крупинки песка и вылил в очищенное углубление содержимое калобасы. Затем, нетвёрдо ступая на подрагивающих ногах, вошёл в ручей до колен, омыл лицо и напился. Вернулся, расправил на земле доломан, лёг и блаженно вытянулся.

Через четверть часа Али подвёл к ручью остывших лошадей, и, пока они пили, Ашотик медленно изъясил из ямки затвердевшую копию мундштука. Намотал на него толстый слой ткани, бережно уложил в хурджун. Али протянул руку – помочь кизляру подняться в седло, но тот опять убежал к заветному месту. Здесь он, несколько раз подпрыгнув, разрушил и затоптал отпечатанный в глине след мундштука.

Снова пустив коней в галоп, вернулись назад, но поехали не во дворец, а к знакомому многим в Багдаде дому ювелира Бахти. О нём было известно, что Бахти заказчиков не обманывает, золота оловом не портит и украшения делает безупречные.

Вбежав в полутёмную, душную мастерскую, Ашотик радостно простонал: ювелир был один. Не произнес даже привычного и обязательного приветствия, Ашотик приблизил своё лицо к лицу ювелира и зашептал:

– Брось все заказы, Бахти! До вечера отлей мне из золота вот этот предмет!

И, развернув тканевый кокон, вложил в руку мастера меловой белый слепок.

– Денег дам – сколько скажешь! Здесь, как видишь, ещё будут сапфиры, – я привезу их вечером или завтра.

– Мундштук от кальяна! – догадался, взглядевшись в слепок, Бахти.

Ашотик, словно ужаленный, вскинул вверх палец и зловеще проговорил:

– Я заплачу не торгуясь! Но только запомни: услышит кто, что ты сейчас произнёс, хоть одно ухо, – я напою тебя твоим же расплавленным золотом!

Мастер испуганно и торопливо склонился в глубоком поклоне, и кизляр Хумима-паши, взмахнув полами испачканного глиной доломана, выбежал из мастерской.

Золотая корона

На кладбище пошли только вдвоём, и пошли ночью. Долго ползли на животах. Селим морщился: острые камешки больно впивались в колени и локти. Несколько раз приносились к ним громко лающие собаки, но старый Касым-баба рукой умелой и опытной эту напасть отводил. Он, подворачиваясь набок, выхватывал из хурджуна куски сырого мяса, – мосластые, с жилами, – и отбрасывал в сторону. Голодные бездомные псы своё ненужное любопытство немедленно заменяли на погоню за тем, кто ухватил мясо первым, и на драку между собой.

Приползли.

Касым-баба открывал секреты. Не показывал, не учил. Посвящал.

– Единственное здесь надгробие, – толкался его жаркий шёпот в Селимовы уши, – где в вертикальной плите знак полумесяца прорезан насквозь. В лунную ночь его хорошо видно издалика. Слева под надгробием нащупай-ка ямку... Что в ней?

– Цепь!..

– Потяни её дважды.

– Потянул. Теперь что?

– Теперь жди.

Лежали на нехолодной ещё, накопившей дневного солнечного тепла, надгробной плите. Ждали чего-то. Время от времени прилетал ветерок, приносил аромат кипариса. Вдруг Селим вздрогнул: камень с полумесяцем стал медленно двигаться вверх! Он как будто вырастал из плиты, поднимаясь на двух квадратных ногах, между которыми так же рос и увеличивался чёрный проём. Пустота. Ушёл камень вверх, обнажив под собой квадратный, не очень широкий, то ли люк, то ли лаз. Впрочем, какая разница?

– Спускайся туда, – прошептал ободряюще Касым-баба. – Ты высокий, твои ноги должны достать до первой ступени.

Влезли, спрыгнули в темноту. Послышался шелестящий звук крутящегося, железного, хорошо смазанного колеса. Камень опустился. Встал на место бесшумно и быстро. Только в конце раздался лёгкий, ни на что другое не похожий, знакомый немногим лишь мастерам-камнетёсам звук соприкосновения камня с камнем.

Исчез бледнеющий над головами квадрат. Раздались удары кресала о кремень. Тусклым огоньком взялся фитиль и поджёг масляный факел. Под каменным сводом стало светло, внизу же цеплялась за ноги клочковатая тьма. Впустивший их в подземелье незнакомый сгорбленный человек, подняв свет над головой, засеменил по неразличимым под ногами ступеням. “Восемнадцать”, – машинально сосчитал Селим. Небольшая площадка – и снова вниз. Ступени теперь были чуть шире и закручивались по спирали. “Сорок четыре”. Горбун проворно прыгал вниз. На руках и плечах его поблёскивало и звенело настоящее золото. Цепи, обручи, украшения. И – корона на голове. С зубцами. В самоцветных глубоких камнях.

– Пришли. Поздоровайся, – часто дыша, негромко выговорил Касым-баба.

– Приветствую тебя, золотая пещера! – воскликнул наученный заранее Селим и обвёл всё вокруг потрясённым взглядом. – Здравствуй, великая тайна Багдада, – сказал уже тише и добавил – теперь от себя: – Выходит, ты существуешь? Выходит, ты – вовсе не сказка?

– Не знаю я человека, – захихикал золочёный горбун, – который в этом с тобой согласится. Это как раз и есть сказка! Смотри! Смотри! Не сказка? Смотри!

Ощущения были такими, что в них не очень-то верилось. Блеск драгоценных металлов и огни самоцветов слепили до головной боли, но и не смотреть было невозможно. А ещё лезла в грудь копоть от факела, как раз в то самое время, когда страстно хотелось взхлёб набросать туда свежего воздуха.

– Пойдём, Твоё внезапное Величество, – положив сухую ладонь Селиму на плечо, устало проговорил Касым-баба.

Как зачарованный, Селим пошёл, влекомый горячей силой нетяжёлой и, в общем, несильной руки.

– Всё, что ты видишь, – и слева, и справа, – это общее. То есть принадлежит всем в общине. Тебе, разумеется, тоже. Эти сокровища тратятся с общего согласия и на общее дело. А вот в пещерках – ты видишь эти проёмы? – это пещерки, – в них стоят сундуки с замками. Здесь старые воры Багдада хранят часть имущества, которое там, на земле, было бы очень заметно. Ну и потом, – это ты, наверное, знаешь и сам, – весьма неразумно держать все свои сокровища в одном месте. Ты теперь можешь принести и собственный сундучок. Здесь он будет в большей безопасности, чем в гареме Хумима-паши...

Касым-баба выговорил последние слова, запнулся, растерянно взглянул на Селима и вдруг визгливо, пронзительно, как сумасшедший, расхохотался. Ему хрипло вторил горбун.

– Безопаснее!.. Чем... В гареме! И это мы говорим ему! Ему, хитрейшему вору, который вынес мундштук из этого самого гарема!!

– Вот он, вот, – всхлипывая, проговорил сбегавший куда-то горбун.

В руке его, в свете факела, мерцал и светился влажный, словно яичный желток, золотой Хумимов мундштук.

– За всю историю пещеры, – пытаюсь отдышаться, принялся пояснять Касым-баба, – крупных сапфиров у нас было всего пять. Такие камни мы ценим. Сапфир – сам по себе уже талисман. Это камень судеб людских, да и не людских тоже. Но не так давно один мы отдали: нужно было спасти от палача двоих наших людей. Их схватили при странных обстоятельствах, и подозреваю я, что конечной целью этой затеи было обретение именно крупного чистого сапфира. Мы заплатили. Отдали один из пяти. Причём сначала хотели подсунуть камень с дефектом, – был один с крохотным сколом. Но нет. Пришлось заменить. Осталось четыре. Ну а ты вдруг принёс сразу шесть. Шесть! И в золоте. Конечно, вопрос был спорный – отдавать тебе корону или не отдавать, – многие внесли в общую копилку гораздо больше, чем ты. Но уговор нарушить нельзя. Никто не верил, что ты выкрадешь этот предмет из гарема. Потому и легкомысленно пообещали, что ты станешь тогда Главным вором. Как ты это сделал – конечно, не скажешь. Не скажешь ведь?

Касым-баба с некоей даже мольбой заглянул снизу в глаза Селима. Тот, потерянный и ошеломлённый, готов был, как ни странно, поведать, но старик

опередил события:

– Конечно не скажешь.

Он вздохнул.

– Но мундштук ты принёс, и все наши смотрели на него, и никто не посмел отрицать, что мундштук – именно тот. Так что делать было нечего. Слово сказано. Теперь ты – Главный Багдадский вор. Решили. Вот твоя корона.

– А общей сходки разве не будет? – неуверенно спросил Селим, принимая снятую горбуном со своей косматой, с острой лысой макушкой головы корону.

– Вот потому мы и целы пока, – хихикнул Касым-баба, – что живём так, как людям сверху было бы странно. Мы никогда не собираемся все вместе. Дело решает лишь мнение, голос, верно? Ну а голос узнать – труда нет. Послать Бая Скорохода – и он за день сможет обойти всех. Хотя было такое, – случалась нужда обсудить дело немедленно. Но и тогда мы собирались не в пещере. Это понятно? Вот, а мнения о твоём короновании собрали за один день. Этот вопрос был прост. Всего-то и сложности, что оценить подлинность предмета. Ох, и летал же в этот день мундштук по Багдаду! Шуму ты наделал, как в тот раз, когда снял со спящей жены главного кади шейное ожерелье в присутствии спящего мужа. Был слух, что ты проходишь сквозь стены. Тогда многие из наших над этим смеялись. Сейчас не смеются.

– А кто же устроил эту пещеру? – с усилием сглотнув, поинтересовался Селим.

Старики снова засмеялись. Высокий, худой юнец, в криво надетой сверкающей острозубой короне, стоящий с неловко повисшими руками в прыгающем свете факела, – он был забавен.

– Этого никто не помнит. Известно лишь, что это было больше тысячи лет назад, ещё до Аббасидов. С тех пор тайна её передаётся мастерами чужого кармана от поколения к поколению, и ни разу ещё никто непосвящённый не коснулся хоть сколько-то внятного знания о ней.

Касым-баба пригласил присесть. Присесть было за что. Стоял у стены длинный каменный стол, зелёный, с прожилками. Возле него – тяжёлые, как будто железные стулья, отделанные, похоже, серебром. Чёрным серебром, старым. Горбун шумел где-то за стенкой, приносил то и дело блюда, приборы, закуски, вино.

– Он что же, вот так здесь и живёт? – негромко спросил Селим. – Жить под землёй – это ведь трудно!

– Трудно. Только не для него. Вот видишь, Король, сегодня тебе открываются странные вещи. Пещера, законы, хранитель-горбун... И вот – золото. Что оно такое? Ты думал? Удивлялся ли ты когда-нибудь его странной, невидимой силе, которая заставляет людей лишаться ума, убивать себе подобных, мучить вдов, грабить сирот, лжесвидетельствовать и предавать? И всё это только ради владения им, жёлтым тяжёлым металлом. Я удивлялся. И думал. И старых людей спрашивал. Все считают схоже. Золото – не обычный металл. Он не мёртвый.

– Живой?

– Нет. Не живой. Но и не мёртвый. Ты молчи лучше, мальчик. То есть Король. Всё, что я знаю, – открою сполна. Если не сможешь обойтись без вопросов – задавай их себе. У меня больше не будет ответов. Не живой и не мёртвый. Просто в нём шайтанская, блазная сила. Это бесспорно. А иначе зачем оно любит купаться в крови? Требует крови, но и платит сполна. Нечеловеческим, высшим из всех удовольствиям: ощущением всевластия. Ты уже чувствовал его? Да? Когда карман полон денег, и тебе можно всё. И все тебе покорны. Где же прячется сила, что подчиняет тебе события, вещи, людей? Правильно. Она всегда там, в кармане. И вот же, как только ты ею пользуешься, – её видят другие. И тут уж дело во времени, – когда потечёт твоя кровь, а золото истомлённо кинется в новые жадные руки. Золото даёт временное удовольствие. А платой за это берёт саму жизнь. Так было всегда. Дьявольская, неодолимая магия.

Есть имущие люди, смерть которых щадит, но которые с жёлтым металлом неосторожны. И они за многие годы становятся пропитанными наслаждением его присутствия, отравленными, связанными. Они без него жить не могут. То есть буквально! Вот, горбун не может уж красть, он не добычлив, он бесполезен. Но здесь – он всем нужен. Именно в силу своей страсти – видеть золото каждый свой миг, звенеть, пересчитывать. Он спит с ним, играет, носит на себе, хотя и тяжело. Открою секрет: он пробовал его даже есть. Долго мучился, пока

монетки проходили по его старым кишкам. Пришлось тайно тащить сюда усыплённого лекаря. Впрочем, лекаря потом, для надёжности, здесь же и закопали.

Приковылял горбун, принёс на себе звенящую жёлтую сбрую. Принёс и вино, и бокалы. Конечно же, жёлтые, золотые.

– Лучшие застолья – это застолья втроём, – важно сообщил Касым-баба. – Ну и коронования тоже! Глазам не приходится бегать, и многоголосье в уши не лезет. Знай, Король: хочешь отдыха для души – пригласи двух друзей.

– Или двух женщин! – подмигнул и прихлопнул в ладоши горбун.

– Да, но тогда будет потяжелей! Даже если ты молод. А всё же, как тебе удалось миновать гаремную стражу?..

Глава 2

Каменный котёл

– А ты уверен, что не допускаешь ошибки? – однажды спросила меня Эвелин. – Коран запрещает правоверным пить вино, откуда же во дворце у Хумима столько кувшинов крепкого коньяку?

– Безусловно, могу ошибаться в деталях, – ответил я после раздумья. – Но сам факт имел место. В Багдаде о нём помнят. И не мудрено: много шума наделал. Что же с того, что Коран запрещает пить хмельные напитки? Коран не велит правоверному быть гневным, а велит быть милосердным, но сколько крови людской пролили называющие себя приверженцами ислама? Реки! Такие, что всего забвения Прошлого не хватит, чтобы их скрыть. Сам же Хумим говорил, что сура о запрете вина – для тех, кто характером слаб и владеть собой, опьянев, не умеет. А он – умеет. К тому же пьёт мало. Вреда от этого нет.

И ещё – прошу обратить внимание: я не делаю выводов. Я просто рассказываю.

След оборотня

Не двигайся, – сказал человек Бэнсону. – Я перетащу тебя в тень. Здесь слишком солнце палит.

До странности цепкими и сильными оказались руки у небольшого, в общем-то, человека. Накрутив на правую кисть ворот Бэнсоновой куртки, он крепко упёрся пятками в землю, осторожно, медленно сдвинул массивное тело и поволок, пятясь задом. Он не помогал себе второй рукой, – левая ладонь его придерживала разбитую голову Бэнсона.

Въехали под сень крайних на поляне деревьев, протянулись чуть дальше, в сторону от тропы. Здесь человек в коричневом балахоне повернул Бэнсона на бок и закрепил его в таком положении рогатой палкой, приставленной со спины.

– Тебя может стошнить, – сказал он, приблизив лицо к глазам Носорога. – Не скатись на спину, – захлебнёшься. Двигаться сможешь не скоро. Слышишь меня? Если да – прикрой глаза.

Бэнсон сомкнул и развёл непослушные веки.

– Хорошо. Я вернусь к тебе. А сейчас мне нужно бежать. Догнать я их не успею, с этим придётся смириться. Главное сейчас – убедиться, что ушли они к дороге и к порту, а не метнулись петлёй по лесу. Я побегу. Пока трава примята да птицы распуганы. Ты лежи здесь и помни: я непременно вернусь.

Носорог отчаянным усилием разлепил спёкшиеся в клейкой солёности губы, отпустил подбородок.

– Что? – ухватил монах это движение внимательным взглядом. Почти вплотную приблизил лицо.

– Фут... ляр... – прошептал Бэнсон, пересиливая боль от бьющих в затылок огненных молотов.

Человек в капюшоне замер на миг, бросил взгляд на покинутую поляну. Снова склонился и задал самый уместный вопрос – не о том, что за футляр, какого размера, где оставался, – а спросил тревожно и быстро:

– Что в нём?

– Ар... балет.

Тень легла на худое лицо.

– Вот это уже скверно.

Монах выпрямился, плавно шагнул. Беззвучно мелькнуло и впрыгнуло в руку жёлтое тело железной змеи. Левой рукой он сдавил ткань балахона у пояса и быстрым рывком подтянул его кверху, протягивая под поясной верёвкой. Ноги спереди открылись до середины голеней. И монах побежал.

Он нёсся пригнувшись; прыгал пружинисто, длинно, развернувшись чуть боком, и каждый следующий прыжок уводил чуть в сторону. Влево – вправо, влево – вправо. Для того, кто готовил бы прицельный выстрел, он вёл себя очень плохо.

Поглядеть со стороны – резвится бегущий по лесу подросток в длинном плаще с капюшомом. Вот только двигается слишком быстро для игры. Да посверкивает на уровне пояса недлинная жёлтая лента, один конец – в правой руке, второй – в левой.

Вдруг взгляд его что-то схватил, и мгновенно монах растворился, спрыгнул с тропы. То и дело оглядываясь на толстый ствол стоящего у тропы дерева, он описал широкий круг, обошёл дерево и встал на тропу с другой стороны. Постоял, огляделся. Сказал сам себе:

– Нет, не для засады. Просто хотят задержать. И пути не меняют. В порт ушли, несомненно.

Повернулся, спрятал клинок и быстро пошёл, возвращаясь по тропе, к дереву. Открыто уже, не таясь. Вдруг на ходу стал приплясывать и смеяться.

– Всё! – воскликнул он, ритмично подпрыгивая и хлопая в ладоши. – Они убежали! Теперь я тебя спасу!

На земле у дерева, спиной к стволу, сидел мальчик. Правый его кулачок стискивал отвороты курточки под самым горлом. Костяшки маленьких пальчиков побелели. Кулачок мелко дрожал. Мальчик смотрел ясными, бесслёзными глазами, только морщился и, оскаливаясь, шипел от боли. Левая рука его была поднята вверх и прибита к стволу прошедшим сквозь ладошку узким, стальным, похожим на шило стилетом.

– Топ-топ-топ, – напевал Альба, громко смеясь, – и вот в последний раз “топ”. Теперь я тебя спасу. Очень быстро. Потому что вон я как славно умею плясать.

Мальчик поднял лицо вверх, к руке.

– Сейчас мы вытащим эту колючку, – сказал беззаботным тоном монах. – Потом будем пить чай. Ты знаешь, какой бывает чай? Очень-очень разный. Он бывает привезённый из Индии, из страны, где живут слоны. Или с большого и дикого острова под названием Цейлон. Но, знаешь, он даёт только запах, а вот силу – не очень. Если же чай сделать из трав – нужно только уметь найти их в лесу – о, тогда это будет... Тогда это будет...

Он внимательно оглядел скрюченные, побелевшие маленькие пальцы, торчащую из середины ладони железную рукоять стилета. На торце она была присыпана белым. “Камнем заколачивали. Не вытащить. Сломать? Но как? Если сталь лопнет внутри ладони, в мякоть уйдут осколки... Нужно ломать возле самой рукояти. Судя по блеску, сталь прокалена хорошо. Не гнётся...”

– ...Тогда это будет и чай, и лекарство.

Он вытащил Кобру, приставил ребром к основанию страшного лезвия, взял стилет на излом... Ударил в грудь отскочившая рукоять, звонкий щелчок прокатился по лесу. Мастер быстро взглянул мальчишке в лицо. Нет, рану не потревожили. Славно.

Теперь из ладони торчал короткий, серый на сломе штырёк. Осталось снять ладонь с него. Но, конечно, без лишней боли.

– А знаешь, недавно на ярмарке клоун какую песенку интересную пел? – спросил монах. – Вот послушай.

А сам незаметно взял в кольцо твёрдых пальцев тонкое запястье прибитой руки, медленно сжал. Говорил, пел, говорил, пел, а сам всё сильнее сжимал тонкую детскую руку. “Пусть онемееет...”

– ...Вот, а в конце он так крикнул, что всех оглушил! Вот дай-ка мне ушко, я покажу тебе – как!

Монах склонился пониже и выкрикнул:

– А!!

Мальчик качнул головой, спасая оглушённое ухо, а монах осторожно подвёл к его груди освобождённую руку.

– Посиди так, – попросил голосом ровным и тихим.

Метнулся вдоль по тропе, несколько раз наклонился. Принёс два широких зелёных листа и пару тонких длинных стеблей. Потёр листья друг о друга, – на них выступила жирная, влажная зелень, – и залепил этой зеленью с двух сторон сквозную тёмную рану. Осторожно перемотал кисть поверх листов тонким стеблем. Связал концы в узелок. Закончив, весело произнёс:

– Теперь, малыш, идём. Я познакомлю тебя с одним моим другом.

Медленно они поплелись по тропинке назад.

– Ты, малыш, прислони больную руку к груди, а другой рукой поддерживай её снизу. Скоро услышишь тепло. Это называется – рука руку лечит. Вот, а теперь, чтобы не было больно, – ведь больно, я знаю, – мы с тобой скажем волшебные слова. Повторяй за мной...

Они медленно шли и распускали ниточку древнего проверенного заклинания:

Вот берёзовый листочек,

Словно маленький плоточек,

На волнах качается,

Боль моя кончается...

– Ты знаешь, что такое “плоточек”? – поинтересовался монах.

– Плотик? Маленький плот? – прошептал впервые ребёнок.

– Молодец! Ты говори и представляй себе: свежий зелёный листок, качается на воде, словно крохотный плот. И медленно тонет. Качается на воде, качается и тихо так опускается вниз. А с ним тонет и уменьшается боль. И вот – вовсе пропала!

Чай ниоткуда

Бэнсон шёл к ним навстречу.

– Вот это да, – проговорил озадаченно мастер. – Вот это здоровье!

И, обращаясь уже к малышу:

– Вот – мой друг. Не помню только, как звать.

– Я Бэнсон, – Носорог с трудом разлепил сухие горячие губы.

– Здравствуйте, Бэнсон. Это Филипп вас ударил. А я – Симеон.

– А я – мастер Альба. Сейчас будем пить чай.

– Нет воды, – сообщил, подняв личико вверх, Симеон. – Нет котелка, нет огня и нет чая.

– Лес, хороший ты мой, всё это даст. Вы посидите-ка здесь, а я кой чего поищу...

– А они? – мальчик тревожно вскинул глаза.

– Они убежали. Навсегда.

– Ой, они очень спешили!

– Это понятно, – усмехнулся монах, и усмешка его вышла недоброй.

Вскоре он вернулся. Учащённо дыша, подошёл к сидящим в тени.

– Следуйте за мной, господа англичане! – довольно сказал монах. – Поверьте мне на слово, – нам повезло!

Альба привёл их на другую поляну. Всю в круглых камнях. Прошли ещё глубже в лес. Приблизились к большому, в рост Симеона, валуну. В одном из выступов его, сверху, была вмятина, яма. Шириной в локоть. В ней скопилась дождевая вода. Альба палочкой повыбрасывал из неё какой-то невидимый мусор, вздохнул облегчённо.

– Вот, джентльмены. И котелок вам, и вода. Теперь будете жить.

– Этот вот камень – он что, котелок? – спросил, взяв здоровой рукой Носорога за палец, озадаченный Симеон.

– Давай посидим, – отозвался после долгой паузы Бэнсон, и сел, и закрыл бессильно глаза.

Они устроились рядом, прижались друг к другу.

– Я буду смотреть, – прошептал Симеон.

Альба коричневой быстрой совой мелькал по поляне. Сволок в кучу камни, ветви, сухие смолистые сучья. Взял гибкую ветку, привязал к её концу волокно верёвки. Потом волокно обернул вокруг тонкой круглой палочки, и другой конец завязал

на втором сломе ветки, согнув ее в виде лука. Поставил палочку вертикально, так, что лук оказался сбоку, упёр её в сухую колоду, а верхний конец придавил плоским камнем, что держал в левой руке. Правой же потянул – повёл луком, и палочка, оставаясь на месте, завращалась, охваченная бегущей по ней тетивой. И забегал смычок, и замелькала с невиданной скоростью палочка. Скоро от нижнего её конца, из колоды, поднялся дымок. Ещё немного – и колодная труха, и сухие травинки, корчась, выдавили из себя огонёк. Альба схватил его новым, большим уже комом травы, подкормил сухой хвоей, раздул огонь.

– Последите за костром, джентльмены, – попросил мастер, обращаясь в основном к Симеону.

Наломал, набросал в огонь сучьев, закатил зачем-то в самый жар десяток небольших круглых камней и поспешно отправился в заросли. Когда он вернулся, под капюшоном светилась улыбка, а в руках был целый пук листьев, веток и травы.

– Даже ком паутины принёс, – сообщил он, доставая с груди что-то липкое, серое.

– Паутину делают паучки?

– Да, малыш, они самые. Тебе-то мы свежую рану подорожником залепили, а вот у Бэнсона рана на голове засохла. Теперь её отливать, да клочья кожи как надо укладывать, да слеплять паутиной. Очень, запомни, полезная вещь.

Костёр прогорел. Альба разложил аккуратно в ряд травы, потёр ладони над опадающим, вялым уже огнём. Выкатил из углей камень, да обернул – охватил его травяным жгутом – травы зашипели, закорчились, стали стремительно менять цвет на коричневый – да и бросил всё это в ямку с водой! Охнула, зашипела вода, взлетели от упавшего камня наверх пузыри. Немного подождав, Альба выхватил травами, как рукавицей, новый раскалённый кругляш – и в воду. И половины камней из костра не достал, – а вода уже закипела. Потянуло вдруг по поляне травяным баннным духом.

– Теперь подождём немного, пусть остынет, – сказал Альба и снова ушёл.

Ушёл, доставая на ходу из-под руки спрятанный под балахоном клинок. Принёс несколько квадратов берёзовой коры. Свернул бересту в конус, расщепленной палочкой скрепил края. Вот вам и кружка...

Напоил нежданных своих пациентов невиданным чаем. Накалил новых камней и новых накипятил трав. Теперь промыл и перевязал подорожником раны. Между высоких корней огромной сосны выскоблил землю, устелил мягкими лапами еловых ветвей. Улеглись рядом Бэнсон и Симеон и тотчас уснули.

– Хорошо, Альба, – похвалил себя монах. – Теперь будут жить. Пантелеус был бы доволен.

От земли, вверх по древесным стволам, тихо полз вечер. Альба разложил три костра – два по бокам, один у спящих в ногах. (Те даже не шевельнулись.)

– Мухомора не пожалел, – улыбнулся мастер. – Снов они не увидят.

Долгая, наполненная звуками, ворочалась ночь. Три огня приплясывали подле дерева, оведали спящих теплом. Сидел и молчал возле них небольшой человек с низко опущенной головой, накрытой колпаком старого капюшона.

Симеон попискивал во сне, как птенец.

Утро проспали. Солнце приподнялось над деревьями, давно прогорели костры. Сидевший долгое время неподвижно, монах встал, вздохнул, выпростал руки из рукавов балахона. Подошёл к спящим. Склонился, внимательно осмотрел пальцы и ладонку у Симеона. Нет ни опухоли, ни красноты. “Хорошо”.

– Альба, – сказал, не поднимая головы, Бэнсон.

– А как тебя Томас звал? – вопросом на вопрос ответил монах.

– Бэн.

– Хорошо. Так что, Бэн?

– Ты человек?

– Человек. Причём самый обыкновенный. Отчего это ты спрашиваешь?

– Ты приходишь, как с неба. Когда рядом смерть. И спасаешь. Меня вот – второй уже раз. За мою очень короткую жизнь.

– Случайность.

Помолчали немного. Потом Бэнсон, с усилием сглотнув, прошептал:

– А вот они... Кто это был?

– Звери, – спокойно и равнодушно сообщил Альба. – Звери бешеные. Патер их – в моём представлении – на сегодняшний день самый страшный человек на Земле. Древний паук. Плодит гнёзда ужаса и страданий. По старой инквизиции тоскует. Чёрный философ. Тренированный охранник его – Филипп из Йорка. Бывший Йоркский палач. Девочка – просто способная ученица. Убийца-ремесленник. Хотя и не законченная злодейка. Над ней просто с жутким умением поработали. С раннего детства. Для того же был и Симеон предназначен...

Бэнсон в немой ярости вздрогнул, передёрнул плечами.

– А нас, выходит... Мы должны были задержать тебя?

– Вы и задержали, – улыбнувшись, сказал Альба. – Они своё дело знают. Да я их вряд ли догнал бы. Я очень устал, а они – свежие. Вспугнул – и то ладно. А то, что не дал пробиться в Девять звёзд – ещё лучше. Не пустил в подземелье. Они теперь сели на корабль и пошли куда-то в неведомое, надёжное место. Только патер не подозревает, что я знаю, где можно о месте-то этом узнать. Пожалел я в прошлом одного неправильного человека, не до него было. Теперь он кое о чём порасскажет.

– А они вчера – сразу в порт?

– Сразу. Ещё трёх человек убили.

– Где, когда?

– Как только вышли на дорогу. В то время примерно, когда я костёр разводил. Адония остановила первых трёх случайных всадников. Филипп их убил.

– Откуда ты знаешь?

– Да иначе не может быть. Им лошади были нужны. Ведь я шёл по следу, тут они кровь не считали. А если остановили карету – то перерезали всех, и тогда уж не троих, а побольше. Умчались верхом.

– А что теперь мы?

– Ты – домой. Поохотился, хватит. Симеона возьми к себе. Мне бегать придётся. Я заберу его потом. Отвезу к Серым братьям.

– Я не охотился, – тоскливо проговорил Бэнсон. – Я к Тому на выручку ехал.

– Разве Том не в Бристоле?

– Да нет. Тут дело такое...

Заполдень дошли до дороги. Шли медленно, так что Бэнсон успел многое рассказать.

В порту Альба ненадолго их оставил, а сам скрылся куда-то. Вернулся – как будто и не было бессонной ночи и длинного перехода: бодрый, довольный.

– Есть корабль. Уходит сегодня. Вот только денег нет. Сейчас попробую достать...

– Деньги есть, – поспешно сказал Бэнсон, прикасаясь к поясу куртки.

– Судовладелец просит много.

– Хватит на всё. Я в дорогу-то собирался дальнюю.

Альба кивнул.

– Ну да, если знать о подарке сэра Коривля, – деньги у тебя быть должны. Хорошо. Поедем пока на твои.

Поездка в трюме

Когда есть деньги – любое дело устраивается быстро. Троице путникам отвели тёмное, но уютное место в углу трюма и даже накормили обедом из общего корабельного котла. Ночью под плеск волн за бортом Бэнсон разговаривал со своим спасителем.

– Альба, – говорил он полушёпотом, – я рад, что нам по пути. Для меня это редкостная удача. Я ведь не знал, что он настолько непрост! Он оказался страшнее, чем можно было вообразить. Я имею в виду мир дикой охоты.

– Где люди охотятся на людей?

– Да, его.

– И ты считаешь, что тебе нужно войти в этот мир?

– У меня выбора нет. Мне нужно Тома выручить. А я сделал один только шаг – и оказалось, что я всего лишь бык, который сам пришёл к мяснику.

– Но раз войти в этот мир, Бэн, – значит навсегда в нём остаться. Это как прыжок в болото. Ряска сомкнётся над головой, коричневая жижа колыхнётся... всё. Назад уже – пути нет. Твой сон никогда уж не будет глубоким. На каждого человека, появляющегося рядом, ты будешь обращать внимание, – и, как бы это сказать, иное внимание. Я, например, немедленно начинаю чувствовать, имеется ли в человеке склонность к тому, чтобы мучить других. Принц Сова – невидимым, глубинным чутьём определяет в человеке – есть ли у него жестокость к детям. А вот брат Багуба безошибочно видит людей, которые обладают и силой, и знанием, но состоят на службе у нечистых хозяев. Иногда – у совершенно лишённых совести чудовищ. У таких, как, например, патер Люпус. А Сиреневый Абдулла из любой толпы мгновенно выхватывает взглядом того, кто наделён от рождения способностями, которые выше обыкновенных человеческих. Это он

нашёл большинство наших.

– Он турок?

– Араб.

– А почему “Сиреневый”?

– Очень любит цветные одежды. Некоторые ещё называют его “Пёстрым”. Вот так. В тебе тоже есть своеобразие. Абдулла тебя бы сразу увидел.

– Нет у меня ничего. Я, если честно признаться, застенчив и робок.

– Есть. Есть твоя бешенная, дикая сила, проявляющаяся мгновенно, стоит лишь тебе втянуться в поединок. Ущербность твоя в том, что сила эта – глупая и слепая.

– Альба, – проговорил медленно Носорог, – а можно ли научить её видеть?

– Это не трудно, – невидимо улыбнулся в трюмной темноте монах. – Тем более что учить тебя уже начали. Только ты больше не плати так дорого за урок!

Бэнсон едва слышно рассмеялся.

– Смеяться уже не больно, – сказал он неразличимому собеседнику.

– Да, – ответил тот. – Ты поправляешься быстро.

– Альба! А я уже прыгнул в это болото?

– Не совсем. Ты сделал всего лишь полшага: обрёл намерение. Вторые полшага ты сделаешь после.

– Когда?

– Когда убьёшь человека.

– Я уже убивал.

– Не так. Ты убивал, защищаясь. Это легко. Существует магический слой, двойник этого мира, понимаемый и видимый очень немногими. Ты ступишь в него, когда убьёшь первым. И, может, даже исподтишка. Украдкой, в спину. Внезапно. И его кровь будет твоим объявлением “вслух” о намерении. И посвящением, которое оборвёт твою прежнюю жизнь. После этого тебе уже тебе не вернуться в мир строителей, гончаров, отцов, землепашцев. Ты будешь, как бешеный пёс, жить от прыжка и убийства до прыжка и убийства. Поверь мне, в этом приятного мало.

– Но подожди, Альба! Как же в спину, исподтишка? Это же подло! Разве легенды и сказки не учат нас, что тот, кто воюет со злом, – благороден, открыт и чести своей не теряет! Что же ты говоришь?

Мастер долго молчал. Потом зашептал:

– Триста лет назад жил маршал де Рец. Я вспомнил пример для тебя один из самых известных, описанный в судебных хрониках. Звали маршала Жюль. Одно время он был помощником и сподвижником девочки из Орлеана, посланницы неба. Её звали Жанна. Она спасла тогда свою Родину – Францию от нашествия завоевателей – англичан. Её сожгли живой на костре. Вот. А Жюль де Рец устроился в собственном замке. Ел, пил. Имел – что хотел. Богат и доволен. Из окрестных владений, от крестьян и селян, его собственный “Филипп” привозил к нему детей. Украденных, отнятых, купленных. Он принимал тёплые ванны из их крови. Но крови этих детей ему было мало. То есть физически мало. Его ванна не наполнялась до нужного уровня. Тогда он разрезал малышам животы и наполнял ванну их внутренностями. Залезал и купался. Тебе достаточно факта, или добавить подробностей? Молчишь! Что молчишь? Отступи назад на триста лет, мысленно встань рядом с владельцем замка Рец – и выбери. Открыто и честно выступить против всего его тренированного злого отряда – и благородно и быстро погибнуть, а значит – обречь на мучения ещё многих детей. Или “коварно” подкрасться и “подло” выстрелить бывшему маршалу в спину. Вот тебе выбор, когда выбора нет.

Смолк, пропал шёпот. Размеренно и негромко клочотала темнота храпом матросов из отдыхающей вахты. Раскачивался корабль. Снаружи обшивку бортов таранили волны.

Альбово зёрнышко

Доплыли до юга Британии, пришли в Плимут.

– Тут уже не так далеко, – сказал Альба. – Можно и не покупать подорожную, а добраться за скромную плату на попутных обозах. Но я – в погоне, мне лошадь нужна. Вам же – тем более. Так что, Бэн, вынимай-ка монетки...

Купить лошадей в Плимуте – пустяковое дело. Но Альба потратил часа полтора, выбирая их на свой привередливый вкус.

– Да-да, – твердил он Бэнсону, молчаливо топающему за ним с мальчиком на руках, – теряем время, знаю. Но дело стоит того.

Наконец, он выбрал двух кобыл и одного жеребца, самых лучших. Молодых, здоровых, горячих. Сумму за них заломили такую, что Носорог только крякнул.

– Не торгуемся, Бэн, – ободряюще проговорил Альба. – Не торгуемся, платим.

И только когда осталась позади городская застава, а значит, и все посторонние уши, он уведомил спутника:

– Там, куда мы едем, Бэн, денег будет больше, чем в сундуке сэра Коривля, поверь. И взять сможешь столько, сколько унесёшь.

– А куда мы едем, Альба? – спросил недоверчиво Бэнсон.

– В тайное логово Регента.

– Что-что?! Того самого? Цына из Мадраса?

– Да, того. Пришло для этого время. Славно, что ключик со мной.

– Ты, когда съёс ему голову, какой-то ключик поднял.

– Именно тот ключик. Хороший глаз у тебя и хорошая память. И прекрасное качество – становиться застенчивым в обществе незнакомых людей. Когда мы приедем на место, – что бы ты ни увидел, что б ни услышал, – молчи. Изображай немого. Избежишь ненужных вопросов. А уж вопросы там будут, ровно как и мушкетные стволы у затылков. Но ты себя сдерживай. Заметишь неладное – не предпринимай ничего. Тогда всё будет как надо.

Проезжая крупную деревню, Альба вдруг свернул с дороги.

– Мы почти на месте, – сообщил он. – До имения, в которое едем, меньше часа пешком. Лошадей нужно пристроить. Прекрасные кони.

Он спешился, перебросил повод Бэнсону и пошёл вдоль дворов, заглядывая в каждый молча и быстро. Добравшись до одного достаточно справно́го дома, остановился. Хозяин, с глуповатым, равнодушным лицом, стоял посреди двора, смотрел на всадников из-под ладони. Рядом стояли двое сыновей, подростки. Третий, маленький, быстро выполз через раскрытую дверь, сел на крыльце.

– Староста где? – без лишних вступлений проговорил Альба.

Хозяин молча показал рукой.

– Сына пошли. Пусть позовёт.

Старший проворно улепетнул. Мастер поманил Бэнсона заехать и, пока ослабляли подпруги, тихо сказал:

– Рожу носит такую глупую, что ни с каким делом не хочется подходить. Во дворе между тем устроено всё смекалисто, со старанием. Наш человек.

– Что, ты его знаешь?

– Впервые вижу. Просто хочу здесь зёрнышко посадить.

Какое, однако, не пояснил.

Прибежал сын, сказал, отдышавшись, что староста сейчас будет. Альба и его, и отца отвёл в сторону.

– Слушайте, люди, – сказал просто и добро. – Однажды мне сделали подарок. Очень большой. Условие только поставили: когда устрою себе жизнь без нужды, такой же подарок сделаю кому-то ещё. Незнакомому, первому встречному. Возьми, хозяин, трёх лошадей. Они будут твои. Кобылы принесут жеребят – тоже будут твои. Хочешь – сдавай в работу, хочешь – на ярмарке продавай. Сыновей вырасти, обучи грамоте. Тебя словом не связываю, а вот старший сын, когда вырастет, пусть точно так же подарок вернёт. Когда сам заживёт без нужды. Ты ведь коттер, земли не имеешь?

Хозяин, ошеломлённо моргая, кивнул.

– С пастбищем дело решим. Ещё одна просьба: о том, что лошади ваши, пусть никто больше не знает. Ни жена, ни друг, ни родственник. Иначе беды не миновать, уж поверьте. Сумеете? Мужчина, – Альба посмотрел на подростка, – должен научиться такому терпению, чтобы любую тайну в себе носить и хранить, как бы она там, внутри, не щекотала.

Он подозвал Бэнсона. Спросил на ухо:

– Ты деньги переложил в мешок или опять пояс распарывать надо?

– Переложил.

– Хорошо. Достань шесть фунтов.

Взял деньги, скрытно, тая золото в горсти, вложил его в руку хозяина.

– На содержание лошадей, на три года. Сам ты, как вижу, не голодаешь, так что лишнего не даю, чтоб не ввести в искушение. Что ж, всё понятно?

Отец и сын, переглянувшись, согласно кивнули. Монеты скрылись в одежде, даже не звякнув. Отец подошёл к лошадям, сын побежал за водой. Послышался деревянный стук вёдер.

Поспешным шагом приблизился староста.

– Здравствуй, добрый человек, – Альба не дал ему раскрыть рта. – Прими привет от нашего монастыря. – И, повернувшись к Бэнсону, запустил руку в мешочек.

На неуверенно вытянутую ладонь старосты лёг столбик монет. Глаза у него расширились.

– Коней мы разводим, – медленно, нараспев, принялся рассказывать Альба. – А когда кобылы год за годом кроются жеребцами из своего же табуна – это не хорошо. Потомство слабое. И настоятель наш отправил помалу голов в дальние земли. У вас здесь и воздух хорош, и трава. Так ты этого вот человека от работ и налогов освободи, пусть на благо церкви поработает. Жеребят пусть растит, мы за ними присылать будем. Ну и, конечно, тебе будем передавать приветы. Это возможно?

Староста закивал, набрал воздуха в грудь, готовясь заговорить, но мастер взял его за локоть:

– Вот и прекрасно, сын мой, вот и прекрасно. Пойдём-ка, бумаги, какие следует, подпишем...

Из селения Альба и Бэнсон вышли под вечер.

Логово регента

Недалеко отшагали, и вот появилась пустая земля с охранными вешками: частная собственность. Альба смело шагнул в высокие травы и, приминая их, двинулся напрямик к вершине большого холма. Бэнсон шёл рядом. На плече у него, лёжа на животе, спал Симеон. Макушка его упиралась Бэнсону в шею, ручки свисали на спину и грудь, а ножки свешивались по сторонам Бэнсоновой могучей руки, которую он поднял, положив широкую, как лопата, ладонь, на худенькую, тёплую спинку. Шёл плавно, придерживая безмятежно почивающего человечка.

Перевалили через макушку холма. Внизу открылись белеющие тёсаным камнем постройки. Усадьба. Стены надёжные, прочные. На одной из них, если взглядеться, чёрный штришок человека. Не зря он там, очевидно. Из-за угла выметнулся всадник, выправился ровненько на идущих. Погнал коня влёт. Так разогнался, что не сумел сдержать, успел только, дёрнув узду, увести на сторону. Промчался мимо. Вернулся, зло заорал:

– Кто травы здесь топчет? Кто такие?

Симеон сонно вскинул голову. Бэнсон отчётливей прижал его ладонью к плечу. Альба, завесив лицо капюшоном, шёл, как шёл. Всадник, не дождавшись ответа, выругался изумлённо, поднял плетъ, послал лошадь к монаху, гибко выгнув тело для злого удара. Монах вдруг шагнул в сторону, мягко и быстро. Прыгнул спиной назад, развернулся, оставив в добром ярде, в стороне от себя, свистящий удар. Поймал уходящую лошадь за уздцы, дёрнул вбок и назад. Она толчком занесла круп, так, что всадник едва не вылетел из седла, всхрапнула, обнажив жёлтые крупные зубы. А мастер, не выпуская из руки узды, прыгнул и второй рукой ухватил её за хвост. И, прогнувшись спиной назад, дёрнул на себя одновременно и хвост и узду. Лошадь пошла боком, вразножку, а монах, мимолётно приблизив лицо к горячим её, чёрным ноздрям, коротко и утробно простонал по-волчьи, и узду вверх подёрнул. Лошадь, всё ещё вразножку заноса круп, вскинулась на дыбы. И вот здесь уже коричневый человек, подхватив дальнее от себя переднее копыто, дёрнул его к себе и, подпрыгнув, плечом, всем телом, толкнул лошадь в бок, ударив в то место, что перед коленом у всадника. Бэнсон, расширив глаза и приоткрыв в изумлении рот, наблюдал, как лошадь, подвернувшись в воздухе набок, всей тушей валится наземь. Судорожно взбрыкивая, на четвереньках, отскакивал от неё, оглядываясь, – чтобы не придавила, – выпрыгнувший из седла всадник.

И, не дожидаясь завершения паденья, Альба повернулся и снова пошёл, размеренно, прямо, как будто и не было этих мгновений ярого, тяжкого вихря. Ошеломлённая лошадь, вскочив, умчалась, хрипя, в сторону маленького белого замка.

– Иди сюда, – негромко и властно, не оборачиваясь, приказал монах.

Испуганный, потерявший плетъ человек, прихрамывая, побежал за ним вслед. Догнал, пошёл рядом, стараясь держаться поодаль.

– Ты что делаешь, гад? – плачущим голосом, трусливо загоразиваясь рукой, выкрикнул он. – Да тебя сейчас!.. Да тебе сейчас!..

– Ночь сегодня чтобы не спал. Ночь будешь стоять на коленях. Я проверю. Сейчас что есть духу беги к хозяйке. Скажи, что идёт горевестник. Пошёл!

Прикусивший язык, начавший кое-что понимать, незадачливый всадник бросился, припадая на ушибленную ногу, вслед за умчавшейся лошастью.

И в воротах их уже ждали.

– Кто такие? – грозно спросил вставший на пути нехилого сложения человек.

Встал, загородил Альбе дорогу. Вдруг задохнулся, упал на колени. Мастер прошёл мимо, как шёл. У крыльца в господский дом встали уже плотной стайкой служки. У переднего в руке качнулась увесистая длинная палка.

– Отрублю руку, – не замедляя шага, равнодушно бросил монах.

Палка не просто опустилась, а пала на землю, брякнула. Трое взошли на крыльцо. Сзади, за спинами – топот ног, скрип закрываемых ворот, лязг железа. Миновали дверные порталы, вошли в гулкую пустоту вестибюля. Точно, есть и с мушкетами. У кого-то и кованое железо блеснуло в руках. Мастер, словно задумавшись, встал, сложив руки на животе, в рукава спрятав кисти. Негромкий, с зловещей вибрацией голос его разнёсся вдоль стен, плеснулся под сводами:

– Скажите хозяйке. Пришёл горевестник.

С лицом, искажённым страданием, некрасиво закусив губу, но всё равно оставаясь очень милой девушкой лет семнадцати, хозяйка подходила сама.

– Цынногвер? – спросила, дрожа. – Что... с ним?

– Где ваши родители? – вместо ответа проговорил стоящий неподвижно Альба. – Позовите их. Пусть станут здесь.

Пришли и они. Хрипло дышали охранники у дверей. Задавленно всхлипывая, зажимала рукой рот женщина – её мать.

– Веруете ли вы в Бога? – сурово спросил неподвижный монах.

– Веруем, – ответил за всех поддерживающий мать мужчина.

– Англиканской ли вы церкви или Римской? Говорите, мне можно.

– Римской...

– Тогда опустимся все на колени и прочтём молитву. За упокоенье того, кто к вам уже не придёт никогда. Помолимся, потому что Цынногвера больше нет.

Вскрикнула и зашлась тихим воем девочка-хозяйка. Выдохнули-простонали стоящие в холле. Альба, за ним – все остальные опустили на колени.

– Патер ностер! – принялся читать на латыни монах...

Девушка, стоя на коленях, сквозь плач пыталась вторить. Оперлась рукой перед собой. Бэнсон видел, что рука эта дрожала.

Прозвучали последние слова молитвы.

– Амен! – возгласил Альба и поднялся с колен.

– Амен! – нестройно откликнулись встающие и засопели, забрякали, зашуршали.

– Мы можем уединиться? – спросил Альба.

– О, конечно! – девушка, плача, почти не помня себя, ходила от него к родителям и обратно. – Конечно, святой отец! Идёмте, скорее идёмте!

В боковой зале, как видно столовой, трое пришедших и трое хозяев сели за стол. Девушка выпила воды, стала успокаиваться, но всё ещё дрожала, словно в ознобе. Теперь громко плакала мать.

– Но скажите! – взлетел отчаянный голос. – Правда ли, что он мёртв? А может, это ошибка? Да, он давно не писал и пропал где-то... Но вдруг?

– Нет, дочь моя. Я в это время был рядом. Я видел доподлинно. Мы, – монах повернул капюшон в сторону молчащего Бэнсона, – последние, кто видел его живым. Мы бились. Он умер при нас.

– Но может быть... Может быть... Только ранен? Так часто бывает!

– Крепись, дочь моя. Он не может быть ранен. Ему отсекли голову.

– О нет!! Как же это?!

– На то была воля Божья. Всё, что он успел мне передать перед схваткой, – как вас найти и вот это...

Альба медленно, словно живого птенца, достал из-за пазухи ключ. Спокойствие и землистая бледность пали на тонкое лицо девушки.

– Да, – прошептала она. – Он всегда носил его на себе...

– Он просил, чтоб я посвятил тебя в то, что за дверью.

– Мы войдём туда?

– Да. Мы войдём.

– Но, кроме него, никто не смел...

– Да, он говорил. Там ловушки. Поэтому сначала я сам осмотрю.

– Он говорил... – как будто силясь что-то вспомнить, повторяла вслух девушка. – Он говорил... Он говорил... Да! Если кто-то придёт, как бы от него... Скажите... Простите, святой отец, но он говорил... Ответьте, как его звали его самые близкие друзья?

Потянулась пауза. Монах приподнял капюшон. Над столом просвистел его вздох. И, как камень с небес, тяжко грянуло слово:

– Регент...

Девушка вновь застонала.

– Мы все, – добавил горестно Альба, – звали его Регент.

– Он пел в церкви... В хоре...

– Он был непростой человек, – громко и скорбно уверил монах. – Он умер. Его больше нет.

Она сидела, раскачиваясь на скамье, плотно обхватив себя поперёк живота руками. Всхлипывала, закусив губу. Пыталась совладать с собой, успокоиться. Спросила, вздрагивая:

– Мы пойдём туда сейчас?

– Нет, дочь моя. До утра – мы будем молиться. А утром я вам передам во владение то, что за дверью...

Альба не ужинал. Бэнсона и Симеона покормили и, поскольку те были больны, устроили спать.

Когда Бэнсон проснулся, он какое-то время с удивлением смотрел на свет, проходящий сквозь цветное окно, и силился понять, где это он. Симеон посапывал рядом, разметав на белёном холсте свои тонкие ручки.

Послышался осторожный стук в дверь. Бэнсон вдруг икнул, выпучил глаза и припечатал ладонь к раскрытому уже рту: какое тут “войдите!” Он же немой!

Мгновение выждав, стоящий за дверью медленно стал её приоткрывать. Бэнсон молчал. Вошла вчерашняя девушка, вся в чёрном. Бэнсон угрюмым кивком поздоровался с ней. Чёрные круги под глазами. Обмётанные сухие искусанные губы. Тонкие пальцы в чёрном кружеве перчаток. Вымученно улыбнувшись, юная

хозяйка имения поклонилась и вышла. Вместо неё объявился опрятный, не поднимающий глаз человек, держащий чистое бельё и красный, очевидно, обожжённый без глазури, горшок с жидким мылом. На шее у него висел матерчатый щиток с кармашками, из которых торчали бритвы, ножницы, гребень. Зашевелился и сел в постели среди белых холмов одеял и подушек маленький Симеон. Сидел, моргая сонными глазками. Всклоченный шар светлых волос и круглая голова на тоненькой шее делали его похожим на встревоженного птенца. Перевязанная, оберегаемая рука его сама собой легла на привычное место, к середине груди. Бэнсон протянул ему палец. Ухватившись за него цепкой здоровой лапкой, малыш встал на ножки. Запутался в складках, торопливо переступил. Бэнсон одёрнул на нём длинную ночную рубашку, осторожно взял обеими руками, как берут обычно кувшин с молоком, налитый до краёв, и изъял из постели. Человек с мылом и простынями усердными, суетливыми жестами, тараща глаза – чтобы немому было понятнее, – приглашал следовать за ним.

Пришли в помещение, пропахшее мокнувшим дубом. Горячий, с неявным дымком воздух тёк от четырёх стоящих по углам жаровень с углями. В три широкие низкие бочки налита вода. Бэнсон подошёл, сунул палец. Тёплая, даже горячая. Симеон, перегнувшись у него на руке, озабоченно сдвинув бровки, сунул свой пальчик тоже.

– Вы уже здесь? Доброе утро! – слышался негромкий, приветливый голос.

В тёплый, струящийся воздух вошёл, откидывая капюшон, мастер Альба.

– Чего же вы ждёте? Чтобы вода остыла? Давайте омоемся, братия!

В голосе его угадывалась не только бессонная ночь. Кроме привычной ему, а потому легко переносимой усталости, там мерцало нечастое в людях, старое, сотканное силой души, уменье терпеть.

Из одной бочки отчерпали воды, и худенький Симеон, сияя счастливой мордашкой, устроился в её купальном чреве, старательно держа над водой перевязанную кисть. Бэнсон влез в стоящую по соседству. С непрозвучавшим стоном присел, окунаясь в истомное водяное тепло. Часть воды с шумом сбежала, выплеснувшись через край.

На засыпанный пареными листьями пол косо падал свет из высоко, под самым потолком устроенного окна. В этой шпалере света проплывали то половина лавки, перевёрнутой вверх, с задранными, как у катающегося в траве телёнка ножками, то покачивающийся, свисающий с шеи щиток с бритвами, гребнями и ножницами, то бритая налысо голова и коричневое, в верёвочках сухожилий, с белеющим шрамом, плечо деловитого Альбы. Слышались редкие всплески воды. Негромкие, нетревожные. Тихо попискивал Симеон, отдавший Альбе отмываемую, с удалёнными намотками, руку. Едва слышно трещали брошенные на уголья какие-то сушёные травы и наполняли тёплый и влажный полумрак начарованным ароматом.

Какое-то странное чувство навяло на Бэнсона это полутёмное, тёплое, тихое помещение. Ему почудилось на минуту, что вся-вся жизнь протекает именно тут, в укромном полумраке, гулком шёпоте, безмятежности. Независимый, маленький мир, ограниченный вот этими стенами из старого, почерневшего дуба. А бесовестный Стив, и гад-полицейский, и ноженосцы, и пираты, и страшная шайка Цынногвера, и йоркский палач – всего лишь придуманная на потеху детям страшилка. Сказка, с которой переусердствовали. Можно лежать в этой тёплой воде, ни о чём не думать, не ждать, не гнать, не бояться. Тихо, темно, хорошо... А как пахнет... И рядом, негромко и гулко – из бочки – смеётся радостный Симеон... Как же тянет уснуть.

Глава 3

Старый топор

Потерявший много жизненных сил организм Бэнсона требовал отдыха и покоя. С этим желанием мучительно боролось понимание того, что они находятся среди врагов, и в любую минуту рядом могут оказаться помощники мёртвого Регента. Зазвенит железо, взметнутся яростные вопли – надо, очень надо бы быть настороже. Но боль из затылка ушла, и кровь уже не бьётся там мучительным молоточком, а толкается мягко... Как же сладко, когда можно просто вот так отдохнуть! Прикрыть бы глаза на минутку. Это-то ведь ничем не грозит?

Дверь

Коричневый, узловатый, словно поверхность прочной старинной мебели, мокрый, благодушный Альба колдовал над рукой Симеона.

– Рана затянулась, – бормотал он негромко, – больше перевязывать не будем. Теперь на открытом воздухе пусть сохнет. Хорошо, что кровяные жилки не тронуты, а струпик – он разгладится. Руке-то ещё расти и расти.

Голенький, довольный Симеон сполз с лавки, сел верхом на порожек, в прохладу. Сел, положил ручонку на колени перед собой, принялся с осторожным любопытством рассматривать рану. Альба мокрой ладонью пошлёпал по краю Бэнсоновой бочки. Тревожно вскинувшемуся и поднявшему волну Носорогу он жестом показал на пустую скамью. Потом подошёл к купельному слуге и мягко, но решительно отнял у него парикмахерский инструмент. Взял в горсть несколько бритв. По очереди осматривал, трогал пальцем остриё. Две бритвы отдал назад, сказал коротко:

– Эти – выбросить.

Ещё одну вернул со словами:

– Эту – править.

И с последней подошёл к Бэнсону. Залепил ему голову мыльной пеной, плавно, с хрустом, повёл узкую сталь от лба наверх и назад. Быстро всё снял до глянцевої кожи, оставил лишь клочок рыжих волос вокруг раны. Здесь принялся водить медленно, осторожно, самым кончиком острия. Выбрил, окатил блестящий бугорчатый шар водой, всмотрелся в затылок.

– Да, – сказал озадаченно, – господин Сундук Сокрушающий. Есть у тебя ангел-хранитель, есть.

Потом поменялись местами, и Бэнсон, ровными, плавными взмахами в полминуты соскоблил с головы монаха короткую седую щетину. (Один только раз остановился, чтобы шлёпнуть себя мыльной рукой по сведённому рту: чуть было не изрёк вслух, что именно он брил всех на острове Локк.)

Собрались было уже уходить, Альба натянул отмытый мокрый свой балахон, Бэнсон – чистые, широкие чьи-то штаны... Где Симеон? Оглянулись. Мальчишка сидел под окном, в полосе света, на лавке, и одной горсткой старательно насаживал себе в волосы клочки мыльной пены. Бэнсон широко улыбнулся, посмотрел на Альбу, – у того в уголках глаз заплясали морщинки, – и монах снова взялся за бритву.

В столовую вошли, словно сказочные персонажи: лысая троица – тролль, человек и гномик. Гном всё время поднимал ручку вверх, выпрастывая из длинного рукава пропадающую там, с красными бугорками кисть. Он сел рядом с Бэнсоном и, поглядывая на его покрытый шрамами-рубцами левый кулак, всё махал и махал своей, тоже раненой, тоже левой.

Завтракали в одиночестве и молчании. Альба всем своим видом показывал, что спешить некуда, так что ели неторопливо. Маленький Симеон, сидя на колене у Бэнсона, доставал из его чашки и старательно, поднимая и откладывая в сторонку упавшие крошки, жевал кубики распаренных овощей. Бэнсон же набрал на блюдо хлеба, луку и жареных перепёлок, и их прокалённые косточки, словно сухарики-кналлеры, громко похрустывали на его крепких зубах. Альба ел овощи и рыбный пирог и запивал сильно разбавленным кислым подогретым вином, добавив в него сахара и гвоздики. Прислуживал им всё тот же купельный слуга. Подал пудинг. Подал брусничный кисель. Яблочную пастилу. И чистую, холодную воду.

После трапезы встали за столом, склонили головы в молчаливой молитве. Симеон, просто подражая, шевелил бессвязно губами, прижав привычным жестом руки к середине груди.

Чёрной горестной птицей неслышно вошла хозяйка. Остановилась у дверей, сложила, как бы переняв жест у мальчика, руки.

– Теперь пора, – сказал Альба, растянув в пальцах, словно чётки, цепочку с ключом.

Оставив в гостевой комнате Симеона, пошли по темнеющим коридорам за медленной чёрной фигурой. Бэнсон нёс зажжённый фонарь. В руках у девушки был неуклюжий и неудобный посох, короткий и толстый. Бэнсон рассеянно подумал: “зачем бы ей такой посох”?

Галереи и переходы явственно уводили всё ниже, и когда, наконец, подошли к двери, было уже понятно, что они под землёй.

Дверца вздорная, незаметная, узенькая – в полроста. Вот только бугрилось на ней наклёпанное железо, и отсутствовали ручка и замочная скважина. Отверстие для ключа оказалось в стороне, в самом конце тёмного тупика. Небольшое железное окно в камне, и в нём – скважина. Альба вставил ключ, захрустели пружины. Неслышно, на хорошо смазанном шарнире отворился лючок. Бэнсон сообразил, что там, внутри этого люка, и находится тайный рычаг, который отпирает дверь.

– Ты видела когда-нибудь, как он открывал? – спросил Альба хозяйку, повернув в её сторону чёрный треугольный провал под капюшоном.

Та отрицательно покачала головой. Склонила лицо, потёрла веко дрогнувшим пальцем в ажурном перчаточном кружеве. Достала из рукава такой же платок, промокнула глаза.

– Я понимаю, – не спеша почему-то запускать руку в окошко, проговорил Альба. – Понимаю, он так велел говорить, и иначе ты поступить не можешь. Ну а если предположить, что он мог не успеть сказать мне всего, ведь в какой ситуации это происходило – известно! Да он и не успел. Хорошо, что я увидел, следы каких зубов оставлены на ненужном твоём посохе, дочь моя. А если бы не рассмотрел, что бы стало с моей рукой?

Он взял из-под её локтя дубиё, перевернул нижним концом кверху.

Древесные волокна в нескольких местах были смяты и вдавлены. Бэнсон, светя фонарём, начал понимать; холодок прошёл у него по затылку. Альба, качнувшись, приблизился к девушке, мягко обнял её, прикоснулся щекой капюшона к траурным кружевам.

– Не лги мне больше, – произнёс незнакомо мягким голосом, грустно и нежно.

Девушка всхлипнула, закивала. Сомкнула ладони на посохе. Альба шагнул в сторону, и она, подойдя к чернеющему в стене окошку, дрожащими руками отправила в него побитый конец. Там, в каменной пустоте, что-то щёлкнуло, и в

дубиё тотчас ударило гулко, так, что свободный конец его вздрогнул и загудел. Девушка, прикрыв лицо краем платка, отошла. Альба вывернул посох из чёрного злого провала, до самого плеча сунул в него руку. Послышался звон и шелест цепи, и сразу же за их спинами, совсем близко, что-то тихо заскрипело.

“Открывается дверь”, – уверенно сказал себе Бэнсон.

Да, так и было. Встали у разверстого проёма, помолчали.

– Останься здесь, – проговорил задумчиво Альба, поворачивая капюшон в сторону девушки. – Если там что-то случится не так и дверь захлопнется, – открой, когда мы постучим.

Она, задавливая плач, ещё раз кивнула, прижала руки к груди. Альба взял фонарь, пригнулся и исчез в могильном провале. Сопя и постанывая, Бэнсон с невероятным трудом протиснулся следом.

– Всё обычно, как во всех подземельях, – осторожно пробираясь впереди с фонарём, вполголоса сообщал Альба. – Низкий свод, стены на известковом растворе. Судя по влажности, вольного воздуха нет. Стало быть, проход впереди тоже закрыт. Хорошо, если без замка... Да там-то он зачем был бы нужен?

Точно, вторая дверь обнаружилась в конце тесного подземного коридора, и точно – без замка. Такая же маленькая, и так же пришлось продираться сквозь узкий проём.

Вошли в обширное, круглое, с кольцом колонн вдоль стен, помещение. Здесь был полумрак – рассеянный свет проникал сквозь световые колодцы откуда-то сверху.

– Ну что, – с причудливым эхом прокатился под потолком голос Альбы. – Если б ты сам устраивал всё, что мы видим, и мозг твой был бы измучен мыслью о том, что кто-то может незаметно проникнуть сюда, где бы ты соорудил на такой случай ловушку?

Бэнсон внимательно, и теперь уже по другому, всмотрелся.

– Там, куда проникший пошёл бы прежде всего.

– А тебе самому куда хочется пойти? Ведь тебя, как только ты вошёл, поманило к себе какое-то место? Вспомни.

– Да, поманило. Вот туда, где стоит в ряд старинное оружие.

– Точно. Выставлено напоказ. Это одна из ловушек. Но есть ли ещё?

Бэнсон неуверенно переступил с ноги на ногу.

– Кажется – есть.

– Неужели? И где?

– Вот там, ровно с другой стороны. Монеты и золото, и тоже положены так, что тянет подойти и потрогать.

– Мо-ло-дец. Вот смотри, что он сделал. Подходишь к стене, а там, за стеной, в ещё одной комнатке, взведённый стоит арбалет. Именно арбалет, ведь ему не нужен порох, который может отсыреть. Подходишь, берёшь и тянешь к себе что-нибудь из оружия. Арбалет делает “щёлк”... Через дырку в стене прямо в грудь тебе летит болт. То же – с другой стороны. Это если проникнет тот, кто к оружию равнодушен, а прежде возьмётся за золото. Там тоже комнатка и тоже – болт в арбалете. Хорошо. Ну а если проникнувших – двое, и один пойдёт к оружию, второй – к сокровищам, и один из них попадёт в ловушку первым. Что тогда, второй – уцелел?

– Да, наверное... Ведь он же тогда – предупреждён!

– Не совсем. Что ещё может он предпринять, как не броситься к пострадавшему, чтобы или помочь ему, или определить, с чем предстоит иметь дело!

– Это что же... – Бэнсон взглядом повёл через центр круглого зала. – Он и это предусмотрел? Тогда что же, – вот здесь?!

Вместо ответа Альба подхватил стоящий неподалёку запечатанный и залитый воском бочонок, положил его набок и, примерившись, запустил через зал, к стоящим напротив колоннам. Дробно тарахтя ребристыми дощатыми боками, бочонок весело добежал до центра помещения – и вдруг пропал. Послышались стук и щелчок и, несколько после, – тяжёлый и тихий удар где-то внизу, далеко. В центре зала, в полу, теперь чернел люк, – объёмный, квадратный.

– Вот теперь всё, – утвердительно сказал Альба. – Теперь можно пройти и разрядить арбалеты.

– Но каким же, – изумлённо повёл головой Бэнсон, – каким же нужно быть умным, чтобы такое придумать!

– И умелым, чтобы всё это сделать. Но придумал и сделал всё это не Регент. У него был хороший учитель. Старик. Ты его видел, с Симеоном, на поляне. И хорошие мастера. Вот их-то увидеть тебе никогда уже не придётся.

– Тот старик? – свёл брови и потрогал себя за затылок озадаченный Носорог. – Тот старик? И это он же придумал прибить Симеона к дереву?!

– Да. Это он.

Молчали, обходя стороной люк в полу. (Бэнсон опасливо заглянул в чёрную пропасть.) Молча отыскивали ещё одну дверь, прошли сначала в левую, потом в правую галереи – невысокие, узкие. Они вели в каменные приделы, где, точно, – стояли в деревянных станках натянутые, с железными, хорошо смазанными маслом дугами, арбалеты. Альба зажёл огонь, аккуратно вынул из их желобов тяжёлые, остро заточенные болты. Внимательно осмотрел пропитанную оружейным маслом нить, но трогать не стал, вернулся назад, в зал с колоннами.

– Хочу посмотреть, – пояснил он сопящему рядом Бэнсону, – как спуск настрожен. Можно узнать, какой мастер делал – европеец, охотник с севера или азиат. А если европеец – то какой школы, немецкой или голландской. А может быть – из местных, из англичан.

– А почему ты сказал, – ещё не веря своей догадке, произнёс напряжённо Бэнсон, – что мастеров я больше уже не увижу?

– Так ведь убили мастеров. Сразу, как только работу исполнили. Это у патера первое правило: секреты лучше всего хранит мёртвый.

Бэнсон медленными шагами ходил вокруг люка, постукивая друг о друга тяжёлыми сжатыми кулаками.

– Тот старик, – бормотал сам себе. – Тот, значит, самый? Старый старик? Вот его я совсем не запомнил. Как же так? Как же так?

Гранильщик алмазов

Правильным кругом, словно циркулем отчерченная, стояла рукотворная пещера. С усмирёнными, сокрытыми в тайниках, арбалетами и чёрным дуплом люка в самом центре она напоминала коварного дикого зверя с вырванными клыками. Обездвижен и связан стерегущий дракон, и ничто не мешает теперь запустить руки в кучи сокровищ. Но всё же ещё не время.

Обойдя с зажжённым факелом по кругу всё помещение, высмотрел Альба в стороне, между колоннами, ещё одну дверь. Закрыта на засов, открывается внутрь. Что ж думать? Убрали засов, отворили. Альба встал у проёма, на мгновение замер. Потом повернулся к Бэнсону, спросил:

– Ты чувствуешь запах?

– Запах? – переспросил непонимающе Бэнсон.

– Там человек. Живой человек. И находится там очень долго.

– Может, взять один арбалет? – спокойно и рассудительно произнёс Бэнсон, внимательно вглядываясь в чёрную глубину открывшегося за дверью коридора.

– Не нужно. Этот человек там, похоже, просто живёт. От него не исходит опасности.

Пошли, ступая неторопливо и мягко. Альба молча показал пальцем вверх, на потолок. Бэнсон, придерживав шаг, вскинул глаза. А, понятно. Жирная, висящая хлопьями сажа от факела. Много раз проходил здесь хозяин, много. Тянется сажа непрерывной и ровной дорожкой, и это значит, что на своём пути хозяин нигде не задерживался, шёл ровно. Значит, в коридоре ловушек нет.

Прошли поворот, и обнаружились ступени, уводящие вверх. Потускнел огонь факела: потёк спереди свет белого дня. Вышли в просторное каменное помещение, без потолка, с высоченными стенами. Квадратный, огромный колодец. Солнце стоит высоко, так что лучи его заполняют всё до самого дна. А на дне, в середине, помещён какой-то причудливый столик-станок, а за ним восседает, согнувшись, худой человек с собранными сзади в пучок волосами. Спиной к вошедшим. Станок перед ним жужжит и поскрипывает.

– Здравствуйте, мой господин, – произнёс человек, не поднимая лица. – Минутку мне дайте, я гранчик закончу. Скол здесь был неприятный, так я его до конца зашлифую, чтоб уже не возвращаться.

Спустя ровно минуту скрипучий шумок прекратился, человек привстал, вынул из-под себя и отставил в сторону табурет. Повернулся. На лице его светилась улыбка, – счастливая, чистая.

– Мой господин, – проговорил было он, но, натолкнувшись взглядом на вошедших, вздрогнул и переменялся в лице.

– Кто вы?! – испуганно выкрикнул он, пятась и закрываясь рукой.

– Мы – друзья, – быстро произнёс Альба. – Не тревожься, тебе ничего не грозит. Не грозит, но ты всё же вернись к своей скамейке и сядь. Сядь! Мы принесли тяжёлые вести.

Человек торопливо и часто закивал, робко приблизился к своему столику, сел.

– Какие тяжёлые вести? – подняв брови “домиком”, проговорил, почти простонал он. – Что ещё может случиться в моей горестной жизни? Какие ещё несчастья может послать мне судьба? Ей, кажется, уже нечем меня удивить!

– Цынногвер убит.

И человек вдруг тихо заплакал. Горько, с неброским отчаянием, открыто и безутешно, словно ребёнок. Он прижался грудью к краю стола, его дрожащие пальцы бесцельно хватали лежащие на нём стальные блестящие инструменты и тут же роняли. Инструменты печально звенели. Альба подошёл к нему, положил ладонь на плечо, склонил скорбно голову. Плачущий человек поднял лицо и, дрожа как в лихорадке, прерывисто заговорил:

– Почему на земле такое возможно?! Зачем умирают такие прекрасные люди?! Откуда берутся убийцы?!..

Он вытер глаза, быстро и глубоко вздохнул. Положил свою ладонь на руку Альбы и торопливо спросил:

– Им отомстили?

– Да, – твёрдо отвечивал Альба. – Рядом с Цынногвером легли и затихли навечно девять злодеев. Можешь не сомневаться. Мы (кивок в сторону массивной фигуры Бэнсона) были там и приложили к этому руку.

– Отомстить – это главное, – закивал заплаканный человек, и глаза его чуточку посветлели.

– Но, – Альба развёл в стороны руки, – остался ещё один виновник того, что случилось с Цынногвером. Один уцелел. И мы сейчас идём по его следу.

– Найдите его! – закричал, вскочив, человек и вцепился в собственные волосы. – Найдите его! Убийца должен лежать в земле!

– Найдём, – уверенно произнёс Альба. – Найдём. Хотя сам он не совсем убийца. Потому что все злодеяния совершает чужими руками. Он очень опытен, хитёр и опасен.

– Найдите его, – едва слышно простонал человек.

– Обещаю! – Альба успокаивающе похлопал его по спине.

А Бэнсон стоял возле входа и, стараясь понять, что происходит, поглаживал рукой свою гладко обритую голову. Он недоумевал, он изумлялся, но терпеливо молчал. Альба же, видя, что плачущий человек понемногу стал успокаиваться, спросил у него:

– Как твоё имя?

– У меня больше нет мирского имени, – горько произнёс тот.

– А духовное?

– Нет и духовного. Я до смерти теперь – просто “гранильщик”.

– Что же ты делаешь здесь?

– Вы же видите. Шлифую алмазы.

– Цинногвер доверил мне ключ. Но всего рассказать не успел. Ты, гранильщик, открой мне, что здесь происходит.

– Ты что же – наследник имения?

– Скорее – исполнитель последней воли хозяина. А наследует имение ваша юная госпожа.

– О, это чудесно! Она прекрасный человек...

– Спасибо за одобрение. Так что же ты делаешь здесь? Как ты попал сюда, кто тебя кормит, для кого ты шлифуешь алмазы?

Гранильщик медленно подошёл к одной из стен каменного колодца и сдёрнул висящий на ней полог-ковёр. Открылся невысокий и узкий проём. Не без торжественности обитатель колодца сделал приглашающий жест рукой.

– Здесь – мой дом и убежище. У дальней стены, в каменном жёлобе протекает ручей. Еду мне раз в день спускают сверху, со стены, на верёвке. Я мог бы

сказать, что здесь же и мой ремесленный цех, но скорее здесь склад готовых алмазов. Цех же – во дворе. За тот час, когда солнце встаёт высоко и освещает весь двор до его основания, я сажусь за станок и шлифую алмазы. Часа хватает – после этого глаза устают. Потом я забираюсь сюда, в темноту, и провожу оставшийся день в размышлениях и молитвах. После Цинногвера вы – первые гости в моём доме-убежище. Прошу вас, входите!

– Быть может, нужно огня? – спросил Альба, шагнув в тёмное помещение.

– Огня сейчас будет в избытке! – заявил загадочно человек.

Он подождал, когда в странное помещение протиснется Бэнсон, зашёл после этого сам, погромел чем-то в невидимом чёрном пространстве и вынес во дворик большое стеклянное зеркало, окантованное лёгкой буковой рамой. Он вскинул зеркало над головой, поймал падающий сверху солнечный свет и направил его толстый сноп в тёмные узкие двери. Стоящие внутри Альба и Бэнсон замерли в изумлении. Здесь, на дальней стене, на деревянном планшете, вспыхнули и засияли гроздья самоцветных камней. Казалось, что всё пространство маленькой тусклой каморки заполнилось живыми волшебными искрами. Гранильщик качал и подёргивал зеркалом, и огни на планшете мерцали и прыгали. Альба выскочил наружу, встал и раскинул в стороны руки.

– Это необыкновенная, немыслимая красота! – с детским восторгом и ликованием прокричал он гранильщику. – Ты – чародей!

Гранильщик, явно смущаясь, опустил зеркало, а Альба повернулся к выбирающемуся из волшебной каморки Бэнсону и проговорил:

– Непременно это нужно показать Симеону!

– А кто этот Симеон? – с отчётливой ноткой опаски поинтересовался гранильщик.

Альба подошёл к нему и, сделавшись строг, пояснил:

– Убийца, за которым мы гонимся, похитил ребёнка. Хотел вырастить из него свирепого пса. А когда я стал наступать его компании на пятки, он велел взять тонкий кинжал и прибить им ребёнка к дереву, пронзив его маленькую ладошку.

Чтобы меня задержать. Вот этот мальчик и есть Симеон. Он здесь, с нами. И я хочу его с тобой познакомить.

– Ребёнок? – спросил не без трепета алмазный мастер, и в лице его что-то дрогнуло. – Конечно же, я покажу... У меня тоже были детишки. Три человека...

– Почему это – были? – спросил Альба, быстро взглянув на нахмурившегося Бэнсона.

– Убили их всех. Разбойники ночью залезли в наш дом – и убили. Я был ювелиром, и довольно богатым. Так вот, они искали драгоценности в доме, да всех и зарезали – жену, детей, двух бабушек и прислугу. Меня спас случайный мой гость, остановившийся у нас на ночь новый заказчик. Это был сэр Цынногвер. Он выскочил из своей комнаты в одном нижнем белье, но со шпагой, и при мне заколол четверых негодяев. Но двое всё-таки убежали. Цинногвер мне обещал, что недолго они проживут без отмщения. Спустя месяц он нашёл их, привёз, и я их узнал. И он их повесил – ночью, на дереве в нашем саду, рядом с могилами моих близких. И я долго не помнил себя, а очнулся – вот здесь, и спаситель мой предложил мне жильё, еду и работу. Что держало меня в том чудовищном мире? Я решил, что нужно быть благодарным судьбе хоть за это – прожить остаток отмеренной жизни в уединении, занимаясь привычным для меня ремеслом. Цынногверу привозят откуда-то раз в полгода алмазы, тусклые камушки, довольно объёмный мешочек. Я их граню и шлифую, и превращаю в брильянты. Только работа помогает мне хоть на время забыть о моих детишках, жене и прочих убитых...

Он замолчал, горестно глядя в землю, опираясь на своё зеркало в раме. Альба тронул Бэнсона за руку, вынул из скобы на стене догорающий факел и молча пошёл по тоннелю назад, в круглую тайную залу.

Здесь он взял новый факел из заготовленной Цынногвером связки, зажёг его и спросил у Бэнсона:

– Не можешь понять?

– Не могу! – горячо откликнулся тот. – Регент Цын – откровенный злодей. Почему же все здесь говорят о нём с такой неподдельной любовью! Оплакивают так искренне и так безутешно! Все, все! И хозяйка, и слуги, и этот несчастный

гранильщик!

– Да, сказал задумчиво Альба, прохаживаясь вокруг хищной пасти люка. – Ты же не знаешь ещё истории этой хозяйки. Красивая девочка, правда? И честная, и добросовестная. Как и её родители. Семейная, наследственная черта. Регент случайно их встретил, а узнав их поближе, тотчас исполнил бесовский, чудовищный замысел. Семья обедневшего дворянина жила на окраине сада своего бывшего поместья, во флигеле[5 - Флигель – маленькая жилая постройка во дворе имения.]. И однажды ночью во флигель проникли убийцы. Они закололи четверых родственников девочки – дядю, племянницу, двоюродную сестру и её младшего брата. А девочку забрали с собой. Мать и отец остались одни – в разорённом и залитом кровью доме, в состоянии невыносимого горя и ужаса. Они были убеждены, что это злодейство совершил их новый сосед, богатый землевладелец, купивший за долги их основное имение. Он много раз предлагал продать ему ещё и флигель с садом, но глава семьи не соглашался. Тогда сосед, очевидно, нанял убийц. По счастью, в эту ночь мимо ехал одинокий путник, спешащий к заболевшей матери. Этот рыцарь-одиночка напал на тех из злодеев, которые остались искать в оцепеневшем и замершем доме припрятанное добро. Их было трое, и они связали родителей девочки и уже калили железо, чтобы ценой страшных мучений вырвать у них признание – где спрятаны предполагаемые фамильные ценности. Рыцарь заколол всех троих. Потом развязал стариков и поклялся им, что найдёт остальных убийц, предаст их заслуженной каре и освободит, если, конечно, жива ещё, их любимую дочь. И слово сдержал: спас девочку и привёз вот в этот свой маленький замок. Потом перевёз сюда и родителей, и скажи мне, добрый мой Бэнсон, где бы ещё он нашёл более преданных ему слуг? Теперь у него были надёжные хранители ценностей, верные и благодарные ему навсегда, беспредельно, до смерти. Казалось бы, страшное дело закончено. Но Регент Цын добавил ещё один штрих к бесовской картине. Он сообщил троим спасённым им людям, что больная мать, к которой он так спешил, умерла, его не дождавшись: ведь он был занят спасением девочки. И к их неиссякающей благодарности прибавилось ещё и неиссякающее чувство вины.

Альба умолк, а Бэнсон, присев на какой-то бочонок, в крайнем недоумении расширил глаза, в которых метался тёмный огонь.

– Но, Альба, – проговорил он хриплым, недобрым голосом, – ведь история семьи девочки очень похожа...

– На историю семьи гранильщика? Конечно, похоже. Всё строго продумано и толково устроено – там и здесь. Ему нужен был ювелир, который бесплатно увеличивал бы его состояние и который был бы ещё и предан ему беспредельно.

– Значит, главный убийца – это сам Цынногвер?

– И он же – главный спаситель. С теми, кто нападал, с наёмниками, он договаривался, что они как будто бы будут убиты и должны упасть после короткой стычки. Он же, прекрасно тренированный фехтовальщик, всех заколол по-настоящему, насмерть.

– Всех – насмерть?

– Говорю же тебе, он очень опытен в фехтовании. В монастыре Девять звёзд своё дело знают. И лично мне известен только один человек, который смог простоять в поединке с Цынногвером почти четыре минуты. Это Томас Локк из Бристоля. Отчасти, конечно, потому, что клинок у него был для Регента непривычный.

Тут Альба дёрнул Бэнсона за рукав и добавил:

– Кстати, Бэн, об оружии.

Он подошёл к планширам и полкам с оружием и стал перебирать эти зловещие орудия смерти, пристально рассматривая качествоковки и остроту лезвий. Бэнсон сидел на своём бочонке, молчал, с горькой тяжестью в сердце осмысливал услышанное только что. Вдруг голос Альбы вывел его из задумчивости. Он поднял голову.

– Вот! – старый мастер протянул ему какой-то огромный, невероятный топор.

– Топор?! – недоверчиво-радостно сказал Бэнсон, протягивая могучую руку.

На длинное древко, заморское, чёрное, было насажено громадное двухлопастное лезвие, очень похожее на букву “Ф”. Бэнсон взял в руку этот двойной бердыш[6 - Бердыш – длинный топор с широким лезвием в виде полумесяца.] и, сразу почувствовав грозную тяжесть, поставил концом древка на пол. Двойное, в две противоположные стороны обращённое лезвие оказалось на

три ладони выше его головы.

– Посмотри, – сказал восхищённо Альба, – как придумано!

Он повернул топор древком к себе и показал, что на конце его, в футе от края, имеется плоский шарнир. И окончный, в фут длиной черенок (с набалдашником на конце – для упора ладони) может поворачиваться и вставать под прямым углом к рукояти.

– Возьми черенок в руку, – предложил Альба, сложив конец древка на манер кочерги, – и раскрути топор над головой.

Бэнсон попробовал. Топор вдруг превратился в огромный, окруживший Бэнсона металлическим блеском, свистящий диск. Если бы кто-нибудь в этот миг попытался подойти к нему ближе, чем на три ярда, – тут же был бы разрезан надвое.

– Какое чудо! – воскликнул раскрасневшийся Бэнсон, опуская и рассматривая топор.

– А главное, – добавил, подходя, Альба, – только тебе по руке. Серьёзное оружие. В книгах видел, но что где-то подобное ещё сохранилось – не знал.

– Но как же, – спросил вдруг озадаченно Бэнсон, – его можно будет открыто носить? Нет, нельзя...

– Можно, – сказал уверенно Альба. – Мы попросим нашу юную хозяйку, и она сошьёт на него квадратный чехол, на котором будет изображён католический крест. Ты, таким образом, превратишься в странствующего монаха, немного, придурковатого. Ты холода не очень боишься? Нет? Тогда будешь ещё и полуголым. А своё могучее туловище обмотаешь веригами[7 - Вериги – тяжёлые цепи и обручи, носимые на теле с целью искупления грехов.].

Тут Альба вытянул из пирамиды с оружием длинную боевую цепь со складной кованой “кошкой”[8 - Кошка – металлический крюк, который, подбросив, цепляют за гребень стены, чтобы влезть затем по привязанной к нему цепи или верёвке.] на конце.

– Это придаст твоему монашеству достоверности, а при нужде – такая цепь легко превратится в оружие.

Альба нагрузил Бэнсона добытым железом, сам набрал в мешок денег, и два охотника за сбежавшим убийцей отправились назад, к ждавшей их у дальней двери юной хозяйке этого странного и страшного замка.

Встреча на кладбище

В путь отправлялись на следующий день. А остаток дня предыдущего посвятили подготовке и сборам. Бэнсон молча паковал и увязывал выбранное Альбой снаряжение, а сам старый монах весь вечер провёл в разговорах с юной хозяйкой. Она, притихшая, с заметно похудевшим и тёмным лицом, сидела на краешке скамьи в обеденной зале, и рядом сидел маленький Симеон. (Она не выпускала из своих рук его ладошку с поджившим уже струпиком-шрамом.) Бэнсон, время от времени проходивший мимо, ухватывал обрывки разговора. Он понял, что Альба поручил заботу о малыше новой владелице поместья, и внутренне с ним согласился, считая, что с собой на столь опасное дело мальчика брать нельзя, здесь же забота о нём будет надёжной. Он слышал, что Альба передал в её владение все накопленные Регентом деньги и драгоценности. Слышал, как монах предупредил, что заново взвёл все ловушки в круглом подземном хранилище. Что отныне любой, пришедший как друг, должен сказать ей секретное слово – “Мастер Альба”. Если же он произнесёт лишь “Цын” или “Регент”, – пусть отправляется под болты арбалетов: это враг. И ещё – монах попросил разыскать в ближайшем селении человека с тремя лошадьми и разрешить ему пасти лошадей на Регентовых лугах.

Странная пара вышла ранним утром из ворот ухоженного поместья: полуголый, высокий, с цепями на теле, с бессмысленным лицом человек и невысокого роста монах в коричневом рубище с капюшоном. Полуголый юродивый[9 - Юродивые – от рождения слабые умом люди, многие из которых способны к ясновидению и прорицательству.] нёс на могучем плече длинный шест с чёрной квадратной хоругвью[10 - Хоругвь – вертикально свисающее полотнище с воинскими или церковными знаками.], на которой белел длинный прямой католический крест.

Они дошли до широкой реки.

– Теймар, – показав на неё рукой, сообщил Альба.

Здесь они почти под прямым углом повернули и двинулись по берегу навстречу течению, в сторону Лонстона.

Бэнсон не слышал многое из того, о чём говорил Альба с наследницей. Монах, умело удлиняя шаг до размера Бэнсонового, объяснил ему на ходу, что узнал от юной хозяйки, где находится человек, разводящий собак-далматинов, которых покупают вельможи для поездок в каретах. Этот человек тайно вывел новую породу собак – небывало свирепых и сильных, и продал десяток щенков в монастырь «Девять звёзд». Этих щенков предполагалось увезти куда-то на юг, в местность с очень жарким климатом. Теперь туда же, по предположению Альбы, бросился прятаться сбежавший злодей патер Люпус со своей страшной командой.

– А этот собачник знает, в какое именно место? – спросил переставший на время быть глухонемым Бэнсон.

– Думаю, что знает, – ответил Альба. – Ему должны были об этом поведать.

– Но для чего?

– Для того, чтобы получить рекомендации, как правильно кормить и содержать щенков с учётом непривычного им климата.

– А нам собачник расскажет?

– Вопрос весьма своевременен, – кивнул Альба своим капюшоном. – Если всё то, что известно о нём, – правда, то с наскоку, я думаю, его не возьмёшь. Вытягивать признание пыткой – гадкое дело. Я стараюсь этого избегать. Поэтому мы поступим вот так: заявимся к нему с некой угрозой, что вроде бы знаем, что он где-то на скрытом участке поместья выводит собак, которые не дозволены специальной королевской петицией. И он попытается нас убить. Если я правильно представляю себе его образ, то не просто убить, а затравить этими самыми тайными псами. Да, и затравить попытается только меня, потому что ты будешь глупцом, совершенно ничего не соображающим, всем довольным и очень послушным. Владелец собак попытается нас разделить, чтобы тебя оставить для

себя, – как редкого работника. Бесплатного, сильного и неболтливового. Ты же, если только увидишь, что я сцепился с собаками, не вздумай бросаться на выручку, что бы тебе ни показалось. Я многих видел собак, и эти мне не в новинку. Вот так, а потом, когда я покончу с собаками, то дам понять, что готов сделать то же самое с их хозяином. Вот тогда-то он мне всё и расскажет.

Какое-то время шли молча. Бэнсон думал о том, как изображать дурачка, немного и глупого.

– Нам не долго идти, – сообщил Бэнсону Альба. – Наши знакомцы, кровавые люди, здесь, в Корнуолле, осели целым гнездом. Кроме имения Регента – этот вот собачий питомник, куда мы сейчас направляемся. Но существует и третья сторона местного тёмного треугольника. Это гнездо паука, который живёт за счёт нескольких десятков детей-попрошайек, “работающих” в порту и самом городе Плимуте. Я уже месяц знаю о нём, но побывать не сумел. Были дела, как ты мог видеть сам, поважнее. Не пойдём мы к нему и теперь, – нет времени. Но в Лонстоне мы посетим одного человека, который пошлёт письмо кому надо.

– Тот, кого мы посетим, – будет из Серых братьев? – осторожно поинтересовался Бэнсон.

– Да, – кивнул Альба.

– А тот, кому пойдёт это письмо, – принц Сова? – продолжал проявлять догадливость Бэнсон.

– Разумеется, – подтвердил сурово монах. – И честное слово, для этого паука было бы лучше, если б к нему вместо Совы пришёл всё-таки я.

Бэнсон вздохнул, перебрал с плеча на плечо замаскированный топор и дальше шёл молча, думая о чём-то своём.

Они были в пути почти целый день, и двигались без остановок. Глядя на неустойчивого, молча шагающего Альбу, Бэнсон всё больше убеждался, что для старого монаха вот так отшагать целый день и ни разу не остановиться для отдыха или чтобы напиться воды из реки – совершенно естественно. Но он был немало удивлён, когда понял, что спутник его знал, о чём сам Бэнсон, тяжело топя, думает. Когда (ближе к вечеру) перед ними показались далёкие

очертания Лонстона, Альба сказал:

– Вот видишь. Ты тоже можешь осилить дневной переход безо всякого отдыха. Ты просто когда-то узнал, что человек, совершающий путь, должен время от времени отдыхать. Но стоит лишь сказать самому себе, что на деле – всё по-другому, как тут же переходишь как бы в иной мир и живёшь в нём, немного отличаясь от обычных людей. Когда будет возможно, я покажу тебе, что ты можешь идти без воды дней семь или восемь – то есть совершенно без воды, не имея на пути ни одного ручейка или лужицы.

– Как же это возможно?

– Тут трудно рассказывать. Нужно учить – демонстрируя.

– Но скажи хотя б в двух словах! Я думаю, что скоро продолжу поиски Тома, и если дела нас разлучат, – я хотел бы иметь представление...

– Хорошо, – кивнул Альба. – Случалось ли тебе когда-нибудь быть взволнованным так, что кожа становится плотной, как бы прохладной, и покрывается крохотными бугорками?

– Да, – подумав, кивнул в ответ Бэнсон, – случалось. Это может происходить от разных причин: от холода, от испуга или восторга.

– Именно так. Нужно хорошо запомнить это ощущение, такое вот состояние кожи, и нужно сказать себе, что доподлинно чувствуешь, как кожа стала плотной и шероховатой надолго, почти навсегда. И ты удивишься, какое-то время спустя обнаружив, что кожа утратила способность потеть и, кроме того, остаётся ещё и неизменно прохладной. Убеди себя, что несёшь на себе мягкий панцирь, – чужой, нечувствуемый. День на второй или на третий тебя, очевидно, станет мучить жажда. Не верь, что это от недостатка воды. Причиной мучения будет страх недостатка воды. Запомни. И, наконец, самое главное. По утрам, в низинах, на листья растений и на траву ложится роса. Один глоток предрассветной росы придаст тебе жизненных сил столько же, сколько хорошая кружка самой чистой воды. В росе есть что-то необыкновенное, это многие знают. Выпив таких глоточков пять или шесть, ты смело можешь идти полный день, не заботясь о том, встретишь ли в дороге источник. Идти даже в жару и без шляпы. И если ты в этом себя убедишь, то, даже встретив ручей, –

равнодушно проследуешь мимо.

– А как быть с едой?

– Ну поешь, если встретятся, грибов или ягод, или листьев не горьких растений. Не для насыщения – а просто так. Медленно, как жуёт корова. Не ешь только мяса.

За этими разговорами они незаметно дошли до будки караульного при въезде в город. Альба, сняв сумку с плеча, достал из неё какой-то свиток и протянул сонному, в красном мундире, солдату. Тот посмотрел, удивлённо свёл брови и проговорил:

– Проходите, конечно... Но всё-таки мне интересно, почему вы от входной платы освобождены?

– Мы на службе у бургомистра, – сказал ему Альба. – Я сопровождаю вот этого немого (и протянул руку в сторону полуголого, пыльного, с бессмысленным детским лицом стоящего Бэнсона). Это – новый магистратский палач.

Солдат мгновенно утратил сонливость, сунул бумагу назад, в руку скромного, вежливого монаха и поспешил в свою узкую будку.

Бэнсон, придерживаясь своей роли, молча следовал за монахом, ничему не удивляясь и ничего не спрашивая. Они пришли – не в приёмную магистрата, – а в самый обычный трактир. Здесь монах спросил ужин и две отдельные комнаты.

– Есть только одна, – сообщил на весь трапезный зал краснорожий трактирщик.

– Я не могу, – повёл плечом Альба, – спать в одной комнате с этим вот человеком.

– Он что, буйный? – снова почти прокричал трактирщик, с опаской оглядывая массивную фигуру Бэнсона.

– О, нет, – скромно отвечивал Альба. – Он – добряк, он без дела и муху не хлопнет. Просто спать вместе с ним – плохая примета: он – ваш новый палач.

Немедленно после этого нашлась и вторая комната, и был предоставлен обильный и даже изысканный ужин. А главное – этих двоих человек никто больше не потревожил – ни праздным вопросом, ни пьяным приветствием.

Ночь они просто спали, и ничего не происходило: монах не подавал никому никакой весточки, и ему в ответ ничего не присылали... наконец, ближе к ланчу, Альба, оставив в комнате вещи, зашёл к Бэнсону и вывел его из трактира. Они вышли и медленно двинулись через город по узким улочкам, окаймлённым канавами со специфической вонью старого города. Прошли последний квартал – и Бэнсон, ступив на начало длинной, прямой, уходящей от города узкой дороги, понял, куда они направляются: вдали перед ними тихо и скорбно темнели кресты. Кладбище.

Здесь было пустынно. Один лишь кладбищенский сторож приблизился и поклонился.

– Здравствуй, брат, – сказал Альба, откидывая капюшон.

Блеснул огонёк в глазах сторожа, и лицо его порозовело. Он хотел было ответить, но что-то его удержало, и монах, улыбнувшись, продолжил:

– Это Бэнсон, мой друг, и по случаю – мой ученик.

Огонёк теперь выплыл наружу, и глаза сторожа засияли.

– Здравствуй, Альба! – сторож торопливо, пока монах к нему приближался, дважды склонился в глубоком поклоне, и они обнялись.

Обнялись, как люди почтенного возраста, мудрые и давно и прекрасно знакомые: истово, медленно, без порывистых жестов и похлопываний по спине. После этого сторож подвинулся к Бэнсону и сказал так же приветливо:

– Здравствуй, брат!

– Он не из наших, – тепло сказал Альба, – но от рождения чистый и совестливый человек. Он дважды встретился мне в кровавые, отчаянные минуты: первый раз в Индии, когда я выследил шайку Цына Регента, и второй раз – совсем недавно –

лёг с разбитой макушкой у меня на пути, когда я гнался за патером Люпусом.

– Что?! – с выражением сильнейшего изумления на лице вскричал сторож. – Ты нашёл Люпуса?!

– Нашёл, но вот слегка отпустил. Он меня сбросил со следа, и я теперь здесь, чтобы след этот вернуть.

– А ты его видел? – спросил вдруг сторож у Бэнсона и быстро прибавил: – Патера Люпуса?

– Да, видел, – смущённо отвечивал Бэнсон, – но не разглядел.

– Видел близко?

– В трёх шагах.

– Вот, – сказал сторож, вытягивая палец вперёд-вверх и целясь им Бэнсону в грудь, – вот человек, который встретился с Люпусом – и всё-таки жив!

– Я оставил в трактире, – вступил в разговор Альба, – деньги и бумаги с кое-какими пометками. Передай.

Сторож кивнул.

– Всё – из логова Регента, – продолжил монах. – Теперь это наше место. Нужно только назвать моё имя хозяйке. И нужно говорить, что Цын был человеком прекрасным и добрым.

Сторож понимающе кивнул.

– В вещах моих, что в трактире, письмо для принца Совы, – продолжил монах. – Работа есть для него, и неподалёку.

– Кто-то мучит детей? – спросил озабоченно сторож.

– Да, собрал настоящую армию карманников и попрошаек. По слухам, жестоко наказывает тех детишек, кто денег мало приносит. Некоторых замучил до смерти.

– Весточку отправлю сегодня же. А ты на обратном пути к нам заглянешь?

– Наверное нет. Мы сейчас навестим поместье одного человека, что разводит каретных собак.

– Далматинов?

– Да. Но еще он вывел породу собак – охотников на людей, и продавал щенков для Люпуса, а тот – очевидно – владельцам рабов. Вот у него я и рассчитываю обрести потерянный след. А Бэнсон потом отправится в Плимут, и – в Турцию, друга спасать. Вот он, наверное, к вам заглянет. Передай с ним список последних событий и деньги – для Пантелеуса. Ведь на пути в Турцию не минуешь Магриба. Теперь всё. Прощай.

– Прощай, Альба, – с любовью и грустью в глазах откликнулся сторож. – Да хранит тебя Бог.

Бэнсон придержал свой топор, поклонился и следом за Альбой зашагал от кладбища к городу. К босым ногам его ласково липла тёплая дорожная пыль.

Монах и собаки

Покинув кладбище, наши путники повернули на север и двинулись по почти пустынной дороге вдоль зелёных полей частных владений. И прошло совсем немного времени, когда Альба сказал:

– Вот оно, поместье Пёсьего папы.

– У него такое имя? – удивился простодушный Бэнсон.

– Нет, конечно. Это я его так назвал.

– Поместье его так близко от города...

– А ты думал, что на охоту за злодеями нужно ходить в далёкую даль? Не обязательно. Тёмные люди как раз очень часто живут в самом центре людских скоплений. Как и наш Пёсий папа – ему нужен простор для собак, но и чтоб город был рядом. В городе – его покупатели, его покровители и его куклы...

– Что это за куклы такие? – заинтересованно спросил Бэнсон.

– Да такие же тёмные люди, как и он сам, только помельче. Мелкие пакостники. “Папе”, видишь ли, нужно натаскивать псов на бегущего человека. А где его взять? Только в городе. В тюремных подвалах довольно часто встречаются неисправимые негодяи, о смерти которых никто никогда не горюет. Особенно – если такой негодяй, убегая от неприятностей, самим же устроенных, приходит в город издалека. Его ловят и сажают в подвал. Тогда Пёсьему папе посылается весточка, он едет к тюрьме – обязательно ночью – и выкупает у стражников этого схваченного. Как правило, люди, позволяющие себе жить за счёт притеснений или ущерба, причиняемого другим, – эти люди от рождения нахальны, сметливы и быстры. Их кости прочны, и мышцы работают безупречно. “Папа” их привозит к себе – и делает “куклами”. То есть одновременно игрушкой и мясом для своих крупных собак. Сильный и отчаянно цепляющийся за жизнь человек сопротивляется долго. Соответственно, псы так же долго резвятся.

– А что потом происходит с такой “куклой”?

– Всё, что останется после охоты и обеда собак, – добротного обеда, с азартом, с живой кровью, – “папа” закапывает где-нибудь на пустыре.

– Редкостный гад, – сказал задумчиво Бэнсон. – Городской прокурор его давно должен был повесить!

– Да? Но, во-первых, исчезнувшего человека не ищут, его как бы и не было. Значит, не было и преступления. А во-вторых, за подобных собак дают изрядные деньги, и будь уверен – часть этих денег отправляется прокурору. Стражники-то, что отдают из подвала беглых разбойников, действуют не сами по себе. А с тайного позволения кого-то из магистрата.

– Тогда нужно найти и того, в магистрате, покровителя “папы”!

– И убить?

Бэнсон смешался:

– Ну, не убить... Напугать... Предупредить... Остановить как-то!

– А что если прокурор не знает и даже не догадывается о происходящем? У него может быть совершенно легальный договор о содействии этому “папе” в поиске крепких здоровьем бродяг. Для зачисления их в матросы на военные корабли. Может быть, даже с Лондонской печатью. И он даже думать не станет – за что “папа” отсчитывает его долю. Он оказывает помощь хорошему человеку, который трудится на пользу его величества Георга, и упрячет за решётку любого, кто станет этому хорошему человеку мешать. А из-за решётки – ты уже знаешь, куда отправляются неудобные люди. И совсем немногие знают, что ради своих доходов Пёсий папа предаёт людей страшной смерти. Трудно представить себе ужас, который охватывает человека, когда его пожирают заживо. Причём сам же человек изо всех своих сил продлевает страдания, убегая и отбиваясь. Какой бы он ни был преступник – он живой человек. Живой! Его родила мама, и Бог дал ему душу...

– Этого “папу” надо убить! – глухо вымолвил Бэнсон. – Почему ты не пришёл к нему раньше, если знал о нём всё это?!

– Потому, Бэн, что тот, за кем я спешу, страшней этого “папы” в тысячу раз. Есть вещи, которые ты пока не поймёшь, поэтому поверь на слово.

Перед ними уже маячили стены обширных строений, и остаток пути до них двое путников проделали молча. Бэнсон, оправив цепь, незаметно для самого себя стал ожидать внезапного появления грозных псов. Он ухватил покрепче топор. Взгляд его стал цепким и быстрым.

– Напрасно настраиваешься, – обронил вполголоса Альба. – Всё, что ты должен делать сегодня, – жевать, слушать и улыбаться. Улыбаться, что бы ты ни увидел. Поверь, это будет достаточно трудно.

Добрались до длинной высокой стены и пошли вдоль неё, к обозначенному воротами въезду в поместье.

Стучать не пришлось. Едва они подошли к воротам, как в них бесшумно открылось окошечко, за которым обнаружили два внимательных глаза привратника.

– Кто и зачем? – бросил привратник, видимо, свой привычный вопрос.

– Покупатели, – так же коротко вымолвил Альба.

Послышался лязг, затем хорошо знакомый Бэнсону шелест на совесть смазанного железа – и створка ворот немного приоткрылась. Альба мягко скользнул в узкий проём, Бэнсон же, входя в роль, ухватил толстенную, обшитую скобами створку и дёрнул её на себя. Придерживающий её с той стороны человек едва не вылетел вслед за ней. Бэнсон поймал его, подцепил за пояс всей пятернёй и внёс обратно. Затем с такой силой захлопнул ворота, что только железные скобы не дали им развалиться. С крыши стоящего в отдалении дома сорвалась, хлопая крыльями, галка.

– Эй! – испуганно вскрикнул привратник, и из дома вдруг выскочил ещё один – высокий и крепкий, торопливо сметающий крошки с жующего рта.

Он подходил быстрым шагом, и в руке его была дубинка – тяжёлая, толстая. За спинами пришедших лязгнул засов, а человек с палкой, приблизившись, грозно спросил:

– Зачем вы шумите?

– Не сердитесь на него! – виноватым и заискивающим тоном сказал Альба. – Он дурачок. Но очень послушный и добрый. Он сопровождает меня.

– Где ваше рекомендательное письмо? – протянул свободную руку подошедший.

– Мы без письма, – торопливо забубнил монах, – наш настоятель желает приобрести пять каретных собачек, он дал мне денег и он, наверное, вовсе не знал, что нужно ещё и письмо...

– Собаки заказаны и расписаны на полгода вперёд, – сказал человек, опираясь на палку, – даже те, что ещё не родились. Так что...

Он сделал выпроваживающий жест свободной рукой, и привратник послушно и торопливо завозился с засовом.

– Бу-у! – вдруг проревел, улыбаясь, Бэнсон.

Он откинул, прислоняя к воротам, свой топор с бутафорским крестом и, поймав человека в объятия, ласково его сжал. Тот хрюкнул, лицо его побагровело.

– Он очень добрый, ваша светлость, – забежал сбоку Альба. – А вы особенно прищлись ему по душе! Это потому, что у вас тоже очень доброе сердце!

Из выпученных глаз обнимаемого выкатились стремительные крупные слёзы. Лицо его из багрового сделалось почти чёрным.

– Хорошо, хорошо, – сказал Бэнсону Альба, присюсюкивая, как с ребёнком. – Мы поздоровались, теперь отпусти.

Бэнсон, звякнув цепями, развёл в стороны руки. Человек, выронив палку, мешком свалился на землю. Альба, помогая ему приподняться, скороговоркой продолжил:

– Настоятель дал хорошие деньги, это большие деньги, и что с того, что у нас с собой нет письма? Нам бы только поговорить с хозяином, не знаем, к сожалению, его настоящего имени, а мы зовём его “папа”, может быть, он, в знак уважения к настоятелю, продаст пять собачек? Ну, четыре? Ну, три?

– Что там такое? – раздался вдруг отдалённый голос, и в раскрытом окне дома показался некто в халате и малиновом, с кисточкой, колпаке.

– Они за собаками! – закричал предусмотрительно отбежавший привратник. – Без рекомендательного письма, монах говорит, что принёс деньги, а тот, с цепями, – похоже, придурок и псих!

– Я никого не жду! – крикнул своим людям обладатель малинового колпака. – Нет рекомендации – не о чем разговаривать. За ворота их!

Альба вдруг выпрямился и ровным и сильным голосом произнёс:

– Хорошо, что ты дома. Потому, что поговорить как раз есть о чём. Например, об исчезнувших заключённых. Распорядись-ка впустить нас в дом. Или мне придётся поговорить об этом с прокурором, и не Лонстона, а Корнуолла!

Человек в окне замер. Прошла минута, и он, с усилием подняв руку, сделал привратнику какой-то повелительный знак. Тот поспешил к дверям, из которых незадолго до этого вышел жующий человек с дубинкой, отворил эти двери и, придерживая, стал ожидать, когда гости пересекут двор и поднимутся в дом. Затем он, прижимаясь к стене, обогнал их и заспешил по коридору, показывая, куда нужно идти. Он привёл монаха и его спутника к толстому “папе” и поспешил назад, очевидно, чтобы помочь уковылять со двора обладателю палки.

– Вот и ты, Пёсий папа, – сказал с ноткой усталости в голосе Альба. – Вот и ты.

– Кто ты такой, оборванец? – растерянно и с явной ненавистью спросил толстяк в колпаке. – И кто позволил тебе меня обзывать? Какой я тебе Пёсий папа?

– Тебе не нравится твоё новое имя? – поинтересовался монах. – Но ты не можешь отрицать, что подобрано оно точно. Ты не кто иной под этим небом сегодня, как злой отец искалеченных псов. Я же – тот, кто пришёл поговорить с тобой о пропадающих заключённых. Сядь. От разговора зависит остаток твоей тёмной жизни.

– Какие пропадающие заключённые? – “папа”, недобро оскалившись, сел на стул у окна.

– Которых ты время от времени забираешь из острожных подвалов в Лонстоне.

– Ну и что?! Да, забираю! У меня есть патент от военного флота!

– Я так и предполагал. Но я не пришёл бы сюда, если бы сам доподлинно не проверил, что ни в одно адмиралтейство ни одного порта Британии ты не

прислал ни одного моряка. Ни приговорённого к каторге, ни вольного рекрута. А скольких ты взял из острога? Можешь не говорить, всё равно скажешь неправду. Где-то здесь, в твоём кабинете, вместе с деньгами обязательно лежат реестры продаж и покупок. Вот из них я и узнаю точные цифры. Пока я всего лишь предполагаю, что за последние неполных два года привезено сюда, в твоё родовое поместье, около тридцати человек. Вот тут, в сущности, и возникает тот единственный, главный вопрос, ради которого я и прибыл сюда: где эти люди?

Заводчик собак сидел неподвижно, уставив ненавидящие глаза на проклятого маленького монаха, который пришёл неизвестно откуда и, смотрите-ка, – рушит такую размеренную, такую прекрасную жизнь! Время от времени – было видно – он порывался что-то сказать, но усилием воли, или под гнётом растерянности, каждый раз себя останавливал. В помещении с высокими окнами повисло тягостное молчание. Наконец, в уме своём “папа” выстроил, на его взгляд, правильный, нужный ответ и довольно спокойно заговорил:

– Я так понимаю, что прокурорского предписания на следствие или обыск у тебя нет.

– Нет, – подтвердил Альба совершенно спокойно.

– Тогда скажи, кто интересуется моими делами – частное лицо или Британское королевство?

– Частное лицо.

– Лично ты или кто-то пославший тебя?

– Лично я.

Пёсий папа откинулся всем своим толстым телом на спинку затрещавшего стула и, меняя злость на лице на кривую улыбку, проговорил, выставив палец:

– Я так и знал, что ты – услышавший случайную сплетню нищий монах-шантажист. Что тебе нужно? Денег? Скажи, сколько. Я, может быть, дам.

– Ты не понимаешь. Единственное, что мне нужно, – это ответ на короткий вопрос: где эти люди?

“Папа” вздохнул, удручённо потряс колпаком. Сказал скорбно:

– Ты, монах, что хочешь думай, но о чём ты толкуешь – я в ум не возьму. Надо денег? Я дам тебе денег. Просто так, из милосердия. Я даже забуду все те гнусные подозрения, которые ты мне здесь только что предъявил.

– А свои гнусные дела – ты тоже забудешь? Ты вырастил породу крупных собак. Ты продаёшь их рабовладельцам, на юг, на плантации. А перед этим обучаешь их охотиться на живых людей, используя купленных в Лонстоне заключённых. Всё это ты тоже забудешь?

Видно было, как “папа” вспотел. Он с усилием сглотнул, оттянул воротник. Но собрался с мыслями и, придав лицу выражение спокойное и безучастное, ответил:

– Ты, монах, просто сказочник. Я думал, что из вас двоих – один только головой болен. А оказывается – что оба! Какие рабы? Какие крупные псы? Я развожу далматинов!..

– Бу-у-у! – напоминая вдруг о себе, потянулся к нему со слюнявой улыбкой Бэнсон.

– Э-эй! – испуганно скрипнул стулом толстяк. – Эй, монах! Убери его от меня! Идиот! Костолом!

– Да он добрый, – ухватился за Бэнсонову цепь Альба. – Он только, по-моему, проголодался.

– Так накормим, накормим! – замахал руками хозяин. И громко крикнул: – Эй, кто там есть?

За дверью раздались шаги, кто-то открыл её, всунул голову. “Не привратник и не тот, которого я помял, обнимая”, – отметил про себя старательно актёрствующий Бэнсон. А хозяин заглянувшему приказал:

– Отведи костолома на кухню! Накорми хорошенько!

– Иди, иди, дорогой, – показал жестами Альба, – там будет покушать.

Бэнсон, склонив в дверях топор с крестом, вышел за поманившим его человеком и потопал, демонстративно облизываясь, по гулкому коридору. Дверь осталась открытой, и он успел услышать ещё две фразы – “на дальнюю кухню!” (это его провожатому – тот, спеша впереди дурачка-костолома, согласно мотнул головой) и – “хочешь – ступай, обыщи всё поместье! Нет у меня крупных псов!” (это, конечно же, Альбе).

Коридор увёл их куда-то вниз и незаметно сменился подземной каменной галереей. Дошли до узкого маленького проёма без дверей, и провожатый, посторонившись, пропустил Бэнсона вперёд, крича ему и показывая:

– Здесь низко! Голову не ударь! Пригнуться нужно, пригнуться!

Впереди, за проёмом – было видно – путь преграждала каменная стена, но пространство перед ней заливал неяркий солнечный свет, и Бэнсон, решив, что дальше будет поворот во двор, перехватил древко топора поудобнее и полез вперёд. Миновав проём, он распрямился – и понял, что нет здесь ни выхода, ни поворота. Свет же падал сверху, где вместо крыши виднелась массивная, из толстых прутьев, решётка. О том, что это ловушка, он догадался ещё до того, как за его спиной послышался глухой металлический лязг. Именно поэтому он спас для себя необходимую секунду – ту, чтобы не растеряться и не выдать себя. Повернувшись назад, он схватился за перекрывшие проём железные прутья и обиженно протянул своё “бу-у!”

– Вот так, костолом! – злорадно проговорил провожатый, отпуская торчащий из стены рычажок. – Посиди здесь, пока мы разберёмся с монахом. Тебя потом к собачкам отправим.

И убежал.

Бэнсон торопливо ощупал стены, пол и решётку. Сердце его билось бешено. В голове металась страшная мысль: “Альба остался один! Альба не знает!”

До решётки вверх – не допрыгнуть. Бэнсон быстро смотал с себя цепь, разъял лапы “кошки” – и с отчаянием сказал сам себе: “Ну зацеплю, ну долезу, – дальше то что?”

Вдруг в коридоре послышались медленные шаги – пока ещё отдалённые. Мысли мелькали, как огненные искры. Он намотал цепь на себя, сел у решётки и вывернул клапан на поясе. Вытащил несколько монет, стараясь, чтобы были преимущественно золотые. Разложил их перед собой, стал со звоном бросать то в ладонь, то с ладони.

В коридоре показался неторопко бредущий владелец дубовой палки. Эта палка была снова при нём, а вторую руку он прижимал, болезненно морщась, к рёбрам, и глаза его были недобрыми.

– Не соврали, сидишь! – тихо и радостно прошипел он, приблизившись. – Ну что, сало собачье...

Тут взгляд его пал на монеты, и выражение лица мгновенно переменилось.

– Хороший, хороший, – промямлил он, словно младенцу. – Дай их мне! Сюда! Брось!

Отставил даже свою палку, обе руки вытянул к Бэнсону – но издали, не приближаясь.

– Бу-у?! – сдвинул брови Бэнсон и поднял монетку.

– Да, да! Брось её мне! – И показал, как нужно бросать.

Бэнсон неуклюже завёл руку за голову и бросил. Человек, охая, торопливо присел и взял её в руки. Поднёс ко рту, попробовал её твёрдость на зуб. Золото!

– Дай ещё!!

– Бу-у!! – как будто радуясь внезапной игре, закричал Бэнсон и швырнул сразу несколько.

Одна упала чуть ближе к решётке, и человек, опасливо смерив взглядом расстояние до сидящего – “нет, даже если всю руку высунет – не достанет”, – подобрался к ней – и снова на зуб... Он смотрел в этот миг только на золото и не заметил, как тот, за решёткой, неслышимо встал, сдёрнул со своего шеста чёрный квадрат с белым крестом и просунул сквозь решётку появившийся вдруг в его руках огромный блестящий топор. Опомнился, только когда топор нижним остриём зацепил его плечо. Не понимая ещё, что происходит, любитель случайного золота стал хвататься руками за камень стены, но, поддавшись обессиливающей боли, почти подбежал вплотную к решётке. Бэнсон схватил его руку, сжав, как клещами.

– Как открыть – знаешь? – тихо и очень разумно спросил “идиот”.

– Знаю... Да... – прохрипел, стремительно покрываясь мертвенной бледностью, человек.

– Где рычаг?

– Там... В стене!..

Указал, не оборачиваясь, дрожащей рукой.

– Молодец. Не обманываешь. Сейчас пойдёшь и решётку поднимешь.

– Да... Да! Подниму, конечно! Отпусти! Обещаю!

– Сейчас отпущу. Сядь на пол.

И потянул его, недоумевающего, книзу. Человек сел, а Бэнсон, втянув лодыжку его к себе, внутрь, быстро навернул на неё состроенную из цепи и кошки петлю.

– Теперь иди. Только бежать не пытайся. Дёрну за цепь – оторву ногу.

– Конечно, конечно... Я понял!..

Учащённо дыша, дотащился до рычага, поднял его вверх. Внизу, под решёткой, отчётливо щёлкнул замок. Бэнсон потянул её – и легко, без усилия, поднял.

Остальное проделал в несколько быстрых секунд. Подскочил к отчаянно завизжавшему человеку, столкнул его голову со стеной. Человек смолк и обмяк. Бэнсон, разорвав на нём одежду, стянул обрывками руки и ноги, замотал накрепко рот и втащил в опустевшую западню. Снял цепь, смотал её на поясе, защёлкнул решётку и побежал.

Казалось, вздрогнул и оцепенел весь громадный каменный дом, когда в недрах его заметался полуголый и лысый, с тяжёлым и длинным двухлезвийным топором рычащий от ярости человек. Он бежал, звякая цепью, рвал на себя или ударом ноги распахивал попадающиеся двери – и искал хоть кого-нибудь, кто сказал бы ему, где сейчас старый монах и где толстый, в малиновом колпаке, Пёсий папа. Смерть летела по коридорам.

И смерть отыскала свою тёплую вечную пищу. Они выбежали навстречу друг другу одновременно, в узком коридоре – Бэнсон и отчаянно спешащий незнакомый слуга. Слуга был достаточно далеко, шагах в десяти. Он нёс куда-то длинное охотничье ружьё. Встали с разбегу, как будто запнулись.

– Брось! – проревел Бэнсон, указав рукой на ружьё и склонив свой топор.

Беспомощный здесь, в коридоре, неуклюжий топор, которому не развернуться даже для слабого удара. И слуга, в краткий миг оценив расстояние, выставил перед собой длинный ствол, дрожащей рукой взвёл курок – и выстрелил. Принужденный ослепляющим страхом к стремительным действиям, он нажал курок сразу, не сделав промежуточного движения: не бросил щепотку пороха на курковую полку. Поэтому курок клацнул впустую. И в ту же секунду в грудь ему со страшной силой ударил прилетевший из глубины коридора топор. Бэнсон, едва уловив начало движения ствола, сделал длинный шаг и запустил топор вдоль коридора, на манер копья. Слугу отшвырнуло назад, и он сел, разбросав ноги, разрубленный почти пополам. Вылетело из рук и встало торчком искалеченное, с отбитым курком, сверкающее, хорошо смазанное ружьё.

– Где монах, – проревел, подбегая, Бэнсон, – и где твой хозяин?

Вопрос его остался не услышанным. Он понял это, как только выдрал из обмякшего тела топор. Тогда, отчаянно застонав, он припустил что было силы назад, туда, куда направлял торопливый свой бег несчастный оруженосец. Мелькали двери, комнаты, коридоры – и никто, никто не встретился на пути, а

это могло значить только одно – что все собрались где-то там, вокруг одинокого Альбы.

Обливаясь потом и часто, по-собачьи, дыша, он нашёл, наконец, выход из дома. На уровне третьего этажа. Выбежав на террасу, он прыгнул с неё на гребень стены – и застыл, замер на ней, бросив один только взгляд вниз, на землю. Там, в самом центре большого двора, стоял, сбросив с головы капюшон, мастер Альба. А в поднятую в углу двора дверцу вымётывались и неслись стаей стремительных мотыльков кажущиеся маленькими отсюда мордатые белые псы.

Они вырвались в знакомый двор для знакомой кровавой игры, и со знакомым грохотом опустилась сзади тяжёлая дверца, и так же, как много раз до этого, за дверью раздался пронзительный свист их хозяина. Вот только “кукла”, стоящая во дворе, оказалась испорченной. Она напрочь сломала игру. Все и всегда, едва выскакивала к ним стая, поворачивались и бежали – и здесь, во дворе, где убегать, в общем-то, некуда, и в поле, на огороженном пустыре, где были кусты и деревья. А вот эта “кукла”, в коричневом, бросилась к ним навстречу! Лёгким скоком, разметав в стороны руки. В одной из них вдруг сверкнула под солнцем железная гнутая жёлтая лента. Передние собаки оседали, тормозя торопливо, а задние, не успев увидеть, в чём дело, наскочили на них и все смешались в кучу. “Кукла” влетела в самую середину свалки и затанцевала в стремительном, частом вращении. И в каждом повороте мелькала бросаемая сверху вниз золотая весёлая молния. Эта молния издавала частый короткий посвист, которому немедленно вторили наполненные болью и смертью собачьи гаснущие голоса. Мгновенно в середине стаи образовалась проплешина, а затем – и округлое пустое пространство. Золотая змея перестала доставать до успевших отпрыгнуть собак, и вот тогда “кукла” сделала так, как было нужно сделать сначала: она бросилась через двор в дальний угол. Уцелевшие псы, штук пять или шесть, бросились её догонять, а на месте страшной и неожиданной пляски остались лежать восемь белых разрубленных тел. Отчаянно закричал, прикинув к окошку в двери, Пёсий папа, и захлебнулись воем спешащие псы, взведённые до крайности запахом крови и присутствием страшного зверя. А тот, подпустив их почти что вплотную, вдруг прыгнул на стену и сделал по ней пару шагов, и, оттолкнувшись, перевернулся в воздухе, и приземлился на ноги за спинами налетевших на каменную кладку собак. Засвистела золотая змея. Две собаки выскользнули по бокам, а вот четыре остались лежать здесь, в углу. В этот угол, откинув ногой ещё живую визжащую тварь, встал маленький человек, ступил на полшага вперёд и ленту-змею приготовил к удару. Двое псов, вернувшись, с остервенением плясали перед ним, хрипели захлёб, роняли пену с клыков, пружиня на мускулистых подрагивающих лапах. А коричневый человек вдруг

стал тоже плясать перед ними! Он сделал прыжок навстречу хрипящим от невиданного напряжения собакам – они отскакивали, как обожжённые, – он возвращался в свой угол, и они прыгали следом, почти доставая его своими клыками. Так затянулось надолго, и псы, дёргаемые уздой неустрашимых рефлексов, метались в навязанном им ритме, стремительном и однообразном. Так они сделали тридцать или сорок скачков – и Бэнсон, замерший в изумлении на вершине стены, пропустил тот коротенький миг, когда человек, вместо привычного прыжка назад, сделал второй – вперёд, а псы по инерции прыгнули навстречу к нему, точно под двойной укус жёлтой проклятой змеи.

Завыл, будто разрубленный сам, Пёсий папа и, захлопнув окошечко, метнулся куда-то. Альба, не обращая внимания на визжащих, отползающих к стенам недобитых собак, подбежал к двери, осмотрел. Покачал головой, обернулся, окинул взглядом колодец двора. И вот только тут, поймав взгляд монаха, Бэнсон очнулся и вздрогнул. Он махнул сверху рукой и торопливо стал разматывать цепь. Разъяв “кошку”, он зацепил два её когтя за дальнюю кромку стены и сбросил цепь вниз. Альба уже взялся за неё рукой, как вдруг знакомая дверца поднялась и во двор снова влетели собаки. Голов двадцать, очевидно – последние, что оставались. Здесь были и подрощенные однолетки, почти щенки, и взрослые самки, а главное – четыре необыкновенно крупных пса чёрного цвета. Элита Пёсего папы, новая ветка породы. Были ещё два с тигровым окрасом, тёмные по коричневому. Остальные – знакомо белые. Бэнсон готов был поклясться, что Альба вполне мог успеть влезть по цепи, но он развернулся и, в точности как несколько минут назад, бросился навстречу подлетающей своре.

Молодняк, с полдесятка, встретив густой запах крови и наткнувшись на трупы сородичей, бросился, поджав хвосты и скуля, вдоль стены. С Альбой встретились прежде всего передние, чёрные, и он именно на них бросил змею – но почти даром: сбита с шага запахом крови стая не свалилась в кучу, как первая, а разбрызнулась в стороны. Только и достались змее – отрубленная лапа чёрного пса и два настигнутых белых. Бэнсон понимал – и видел, что понимал также и Альба, – дело тяжкое. С этой стаей так просто не справиться. Не раздумывая, он ухватился за цепь и, швырнув вниз топор, скользнул вслед за ним. Ладони и ступни обожгло, как огнём, и Бэнсон почти упал, больно ударившись пятками о твёрдую землю. Но уже неслись и к нему, и он, подняв топор, успел сделать главное: сложил конец древка под прямым углом и, отпрыгнув от стены, раскрутил топор над собой. Он мгновенно окружил себя невидимым сверкающим шелестом, и первая пара собак, набежав в этот шелест, в единый, блескучий миг лишилась голов.

– Бэнсон! – проорал мелькающий Альба, – руби ниже, по лапам! Туши вращение затормозят!

– Альба! – проорал в ответ немой “идиот”, – подмани их ко мне!

– Понял! Жди!

И Альба, припустив вдоль стены, собрал за собой длинную ленту преследователей. Затем, оттолкнувшись от угла, прыгнул назад и, срубив ещё одного, помчался к Бэнсону, прямо на его сверкающий круг.

– Подними! – крикнул он и, пав на землю, прокатился под лезвием.

И передовые в стае, преследующей его, один за другим, в четыре шлепка, вселись в разрубающий удар почти невидимого свистящего диска. Задние, успев рассмотреть, рассыпались и остановились. Восемь псов, не считая тех, что трусливо были в дальнем углу. Двое чёрных. Опасные, умные. Мощные груди, длинные лапы. Пасти огромные, словно капканы.

Встали ближе к углу – рослый Бэнсон, вращающий свой страшный топор, и Альба, вплотную к его груди – перед ним. Монах, подняв край балахона, вытер ладонью ребристую рукоятку меча. Вдохнул. Сказал, не поворачивая головы:

– Пару сюда затащу. Сам смотри, когда лезвие приподнять.

И, не дожидаясь ответа, стянул с себя балахон. Потом встал на четвереньки и подполз к краю свистящего лезвия. Древко со страшной силой проносилось над его согнутой мускулистой спиной. Взлаяв вдруг по-собачьи, он махнул в сторону псов балахоном, и в него тотчас вцепились – прочно, мёртвой хваткой. Тогда, растопырившись, как лягушка, пригибаясь под топором, он дёрнул хламиду к себе – и втащил под топор белого пса. Не ударом, а скользящим потягом протащил Кобру по горлу – и толчком ноги выбросил всхрипевшего пса наружу, к своим.

– Семь! – крикнул он, глядя на припавшего к земле, с разрезанной шеей пса – но оказалось, что “семь” было недолго.

В момент толчка топор приподнялся, и две передние собаки, чутко уловив открывшееся пространство, рванулись вперёд. Одна успела проскочить – и наткнулась горлом на Кобру, так, что остриё жёлтой змеи выскочило у затылка. Второй пёс проскочить не успел.

– Пять! – прокричал Альба, но топор, встретившись с серединой тяжёлой собачьей туши, резко замедлился, и монах, выскочив за край рассекаемого топором пространства, взмахнув клинком, тут же выкрикнул снова: – Четыре!

Полуголый, как Бэнсон, в полотняных коротких штанах, он побежал по двору, отводя в сторону Кобру, и двое псов, последние из чёрных, бросились вслед. С Бэнсоном остались тигровый и белый псы, и поодаль ещё отрывисто лаял чёрный, потерявший лапу в самом начале. Бэнсон не успел раскрутить топор до нужной силы, – тигровый, скакнув, прорвался за круг свистящего лезвия. Тогда, запустив топор влёт, в сторону белого, Бэнсон поймал прыгнувшего к нему пса свободной рукой – за горло, под челюсть. Держа тяжёлую извивающуюся четырёхлапую тушу его на весу, он окинул взглядом пространство перед собой. Альба вдалеке встал в углу – и привязал к себе чёрных псов проверенной, коварной игрой: прыгал то к ним, то от них. Брошенный наудачу топор своё взял: белый катался, пачкая кровью взрытую землю. Бэнсон быстро подошёл к топору, ногой поддел его лезвие и зажал вертикально между босыми ступнями. Затем перехватил второй рукой тигрового за заднюю лапу, выложил его в воздухе параллельно земле – и бросил на лезвие вниз. Он не заметил, – а если бы и заметил, то ничего бы не смог предпринять, – как чёрный, безлапый, припадая, нелепым скоком приблизился и в тот момент, когда руки Бэнсона рванулись с вешенной ношей вниз, мотнул головой и сомкнул челюсти на Бэнсоновом бедре.

Хрипло охнув, тот схватил пса за чёрную голову и сделал единственно правильное, спасительное движение: вдавил большие пальцы до половины в собачьи брызнувшие глаза. От дикой боли пёс взвыл – и челюсти разошлись. Отшвырнув в сторону ослепшую тварь, Бэнсон поднял топор и заковылял в угол к Альбе. Но тот, заметив происходившее, сделал двойной свой прыжок, свалив при этом одного из нападавшей пары, и бежал что есть силы на помощь.

– Всё! – кричал, вытянув руку, хромающий Бэнсон. – Альба! У меня всё!

Тогда монах на бегу развернулся к настигающему его последнему псу, и они заплясали друг против друга в цепкой связке стремительных, рваных движений.

– Ну где вы, проклятые гады!! – закричали вдруг за дверью. – Где проклятый Лион с ружьём?!

Голос был отчаянный, со слезой.

– Убит Лион! – отвечали ему. – А ружьё его – вот, не работает!

– Я столько лет их растил! Столько лет! – изнемогал за дверью Пёсий папа. – А эти проклятые... за десять минут...

Тут он вдруг приоткрыл дверь, свистнул и крикнул:

– Ко мне! Ко мне! Брось их, дурак, ты у меня последний!

Пёс, оставив Альбу, послушно метнулся на голос хозяина. Тот, пропуская его, приподнял тяжёлую дверцу, и Альба и Бэнсон бросились к ней – но нет, далеко, не успеть... Вдруг Бэнсон, приостановившись, поднял топор и, развернув его как копьё, бросил под дверь. И попал. Влетел топор в разверстую щель, так, что половина древка его осталась здесь, во дворе. Охнувший “папа” стал торопливо дверцу давить и притискивать, чтобы совпали петли засова – но топор не давал, и тогда он, наклонившись, схватил его и стал выталкивать прочь, за дверцу, а древко упиралось, царапало землю, и вот, почти вытолкнув топор из проёма, “папа”, видно, схватился за само лезвие и разрезал ладонь. Он вскрикнул – и тут Альба добежал до дверцы.

Старая метка

Полуголый, с коричневой кожей старик схватил древко топора и резко поднял его вверх. Этот рычаг вздел дверцу до половины. Бросив топор и выхватив Кобру, Альба скользнул, пригнувшись, в проём. Бэнсон, подбежав, рванул дверцу и поднял её вверх до конца. (Клацнула невидимая защёлка.) Вдруг в эту дверь навстречу Бэнсону вылетел бледный, с безумьем в глазах, Пёсий папа. Тяжким ударом Бэнсон сбил его с ног (а какое-то впервые явившееся ему чувство принесло уверенное знание того, что в ближайшие полчаса “папа” не встанет), наклонился – зашипев от боли в прокушенной ноге – за топором, – и поднял его.

Очень вовремя. Навстречу ему, в пространство наполненного воем двора вылетел чёрный, с взрезанной шеей пёс. Бэнсон, качнувшись вперёд, просадил его широкую, мускулистую грудь наверхиями окровавленных лезвий и, вскинув топор вертикально, поднял бьющуюся тварь над собой.

– Бэн, это последний! – сообщил, выглянув во двор, блестящий от пота коричневый Альба и, на секунду остановив взгляд, добавил: – Оторви у “папы” рукав, перетяни свою ногу – и жди; оставшийся молодняк не выпускай, а я быстро – к конюшне, чтоб никто не сбежал, а то гнаться придётся...

– Альба, там один связанный – в ловушке, в подвале, его не ищи! – прокричал вслед исчезнувшему монаху Бэнсон, и оттуда, из недр лабиринта “папиной” псарни долетел слабый крик: “Хорошо!..”

Прочертив широкий мах топором, Бэнсон сбросил обвисшего пса под стену и огляделся. Громадный, идеально ровный квадрат ристалища[11 - Ристалище – площадь для рыцарских поединков.] завален телами собак. С десятков их, воя и задыхаясь, и обессиленно взвизгивая, пытаются куда-то ползти. Пять подрощенных однолеток сбились в дальнем углу и утробно ревут. Бока их трясутся, как будто изнутри бьют палками. “Папа” лежит на спине и, закатив глаза, со свистом и бульканьем дышит. Бэнсон подошёл, разорвал на полосы его прогулочный тонкий халат и наложил на прокушенное бедро широкую тугую повязку. Потом сел, привалившись спиной к закрытой двери, и стал ждать.

Ждал он долго. Прошёл почти час, когда за дверью послышались звуки присутствия кого-то живого. Бэнсон вскочил, встал в стороне, сбоку, и приподнял топор.

– Бэн, это мы! – раздался спокойный и такой знакомый Бэнсону голос.

Но во двор вышел не Альба. Появился привратник, бледный, трясущийся, за ним – тот, кто запер Бэнсона в ловушке, потом – хромающий, любитель случайного золота, владелец дубинки. И уже последним – неторопливый и бодрый, с внимательным взглядом, монах. Бэнсон встретил его широкой улыбкой. Посторонился, пропуская мимо себя троих пришедших, так как каждый был обременён громоздкой ношей: привратник тащил убитого неудачливого стрелка, коварный провожатый – ушат с водой, а любитель золота – скамью, – широкую, длинную.

Трое опустили на землю свои ноши и, отойдя к стене, встали кучкой немой и дрожащей. Альба прошёл вглубь двора, поднял и надел свой балахон с капюшоном. Спрятал под ним привычным движением Кобру. Вернулся и коротко проговорил:

– Ты (кивок в сторону помятого, болезненно сжавшегося владельца дубинки) – иди в дом. Неси сюда всё деревянное – стулья, шкафчики – что сможешь поднять. Ты и ты – соберите собак в одну кучу, в середине двора.

И, подойдя, взглянул пристально Бэнсону в самые зрачки. Сказал серьёзно и строго:

– Ну что, Бэн. Ну что. Молодец.

Подтащил к стене скамью, выставив её торцом к камню, показал жестом: “садись!” Бэнсон сел, привалившись спиной к нагретой стене, и Альба помог ему вытянуть вдоль скамьи повреждённую ногу. Снял повязку, осмотрел вспухшую рану.

– Пустяки. Мясо прокушено. Артерии целы.

И, наматывая снова обрывки халата, добавил:

– Хорошо, что собака. У них слюна имеет целебные свойства. Любые раны вылечивает. Видел когда-нибудь, как собака на себе раны зализывает? Неспроста. Любой охотник в лесу знает – поранился – дай зализать рану собаке. Затянется тотчас. Вот если бы тебя укусила кошка – это было бы скверно. Жди нарывов и воспалений. Так что, Бэн, поздравляю тебя.

– С тем, что легко отделался?

– Не только. Ты стал меньшую плату вносить за уроки!

Оба тихо рассмеялись. Альба поднял и протянул Бэнсону ушат. Тот взял и долго, с наслаждением пил. Окатиł грудь и лицо. Потом монах попил сам – и, подойдя, вылил остатки на лежащего Пёсью папу. Тот вздрогнул, замычал и открыл глаза. Сел, отполз поближе к стене.

– Встань! – сказал Альба.

Тот послушно стал подниматься, придерживаясь за стену.

– Двигаться можешь? Твои люди стаскивают псов в одну кучу. Ступай к ним. По большому счёту, эта работа – только твоя.

Спустя какое-то время в подчищенном дворе образовались два холма. Один – маленький, плотный – бывшие четверолапые охотники на людей. (Альба взял Бэнсонов длинный топор и, метая его как громадный трезубец, – вернее, двузубец, – добил всех собак, до последней.) Второй – высокий, громоздкий и неуклюжий: куча дерева, – мебель, доски... Этот второй, деревянный холм Альба поджёг. Четверо бывших работников псарни забросили на него трупы собак.

– Этого, может, тоже туда? – спросил Бэнсон, указав на тело стрелка.

– Нет, нельзя, – сказал назидательно Альба. – Его похороним. Он мёртв, и стал теперь вне упрёков.

Затем он подозвал к себе четверых обитателей дома-псарни. Они, заметно дрожа, подошли. Альба вытянул Кобру – и немедленно их успокоил:

– Нет, я вас не убью. Только метку поставлю. Мне нужно на висках у вас, сбоку, вырезать памятный знак. Вы останетесь жить. Но если я или кто-то из тех, кто меня знает, застанет вас за каким-либо гнусным делом – пусть это будет хоть мелкая кража – вот тогда вас убьют. А сейчас подойдите. Метку я всё равно вам поставлю – или вытерпите, согласившись, или – на теле бесчувственном. Это понятно?

Первым, согласно и быстро кивая, приблизился странно довольный привратник. Склонил голову, зажмурил глаза. Монах тремя быстрыми взмахами рассёк височную кожу – два кровавых штриха легли обращённым вверх клином, как крыша над домиком, а третий – внутри них, снизу-слева – вверх и наискосок. Привратник выпрямился, зажал ладонью этот похожий на греческую букву “А” дарующий жизнь знак, отошёл. Ещё двое приняли грозную метку, покорно и молча. А вот Пёсий папа неожиданно озадачил. Он завыл, захрипел – пал на землю и пополз вдоль стены. Альба, быстро склонившись, схватил его за ногу, дёрнул назад. Посадил, прижав плечами к стене. Тот попытался его укусить,

рванулся, отчаянно, дико визжа.

– Всё это напрасно, – сказал непреклонно – и как-то устало – монах. – Это моё правило для всех негодяев. Есть возможность не убивать – живите, но с вечной меткой. Так что ты потерпи.

Он сдавил горло “папы”, отчего тот, захлебнувшись, умолк, сдёрнул с него атласный, малиновый, домашний колпак, отвёл с виска волосы... И вдруг вскрикнул:

– Ах ты!!..

Бэнсон, не понимая, в чём дело, подошёл, посмотрел. На левом виске Пёсьего папы синели чёрточки трёх тонких, затянутых шрамов, сложенных в виде греческой буковки “А”.

Альба отпустил замолчавшего “папу”, отступил. Спросил тихо:

– Когда?

Белый, как полотно, оцепеневший “папа” с усилием вымолвил:

– Двадцать пять лет назад...

– Где это было?

– Там... В Плимуте...

– За что?

– Мы убили прохожего... Деньги его поделили...

– Вас было трое?

– Д... Да... Ты нас случайно увидел... Двоих ты... Это было ночью... А меня...

– Да. Я помню. Ты лично не убивал. Просто был в их компании и взял свою долю из денег убитого. Да, ты был предупреждён. Двадцать пять лет назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Вассал – друг и помощник рыцаря, тоже дворянин, только менее богатый.

2

Привилегия – преимущественное право в чём-либо одного или нескольких избранных людей перед остальными.

3

Хурджун – восточное название дорожной суммы.

4

Кalebasa – сосуд из высушенной тыквы.

5

Флигель – маленькая жилая постройка во дворе имения.

6

Бердыш – длинный топор с широким лезвием в виде полумесяца.

7

Вериги – тяжёлые цепи и обручи, носимые на теле с целью искупления грехов.

8

Кошка – металлический крюк, который, подбросив, цепляют за гребень стены, чтобы влезть затем по привязанной к нему цепи или верёвке.

9

Юродивые – от рождения слабые умом люди, многие из которых способны к ясновидению и прорицательству.

10

Хоругвь – вертикально свисающее полотнище с воинскими или церковными знаками.

11

Ристалище – площадь для рыцарских поединков.

Купить: https://tellnovel.com/ru/shervud_tom/master-al-ba

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)